

«Тайна Эдвина Друда»

Соперничество

Гипотезы

Открытия

Прошло сто двадцать лет со времени написания романа Чарльза Диккенса «Тайна Эдвина Друда» (1870). Но критики, литературоведы, писатели и просто читатели до сих пор бьются над разгадкой этого романа. Что же случилось с Эдвином Друдом? Он убит? Но кто убийца, кто таинственный джентльмен, мистер Дэчери, неожиданно появившийся в местечке, где разыгралась трагедия?

Гипотез множество. Разгадка «Тайны Эдвина Друда» затрудняется тем, что в бумагах Диккенса не осталось никаких заметок, набросков, планов, которые позволили бы установить, как писатель намеревался завершить свое произведение. Исследователями творчества Диккенса были высказаны различные предположения о возможной развязке романа. Наиболее научно обоснованной и наиболее фундаментальной, как и по сей день считают диккенсоведы, является работа Дж. К. Уолтерса «Ключи к „Тайне Эдвина Друда“». Автор — известный диккенсовед начала XX века, президент Диккенсовского общества в 1910—1911 годах.

Свои варианты разгадки предлагали Честертон, Бернард Шоу, Энгус Уилсон. Они додумывали, дописывали роман, пытались, возможно и бессознательно, помериться силами и талантом с «великим неподражаемым» Чарльзом Диккенсом.

Действительно, «Тайна Эдвина Друда» — раздолье для фантазии, выдумки, находчивости. Фантазию лишь разжигает рисунок, выполненный по заказу Диккенса к роману. В нем, как говорил сам Диккенс и как знали современники, — разгадка тайны.

Споры не утихают и сегодня. А вообще-то, задается вопросом на страницах литературного приложения к «Таймс» критик Уильям Робсон, детектив ли «Тайна Эдвина Друда»? Ведь с точки зрения канонов современного детективного жанра роман не выдерживает критики. Какой же это детектив, в сердцах восклицает он, где все рассказано и к тому же все показано на рисунках? Конечно, и Робсону интересно узнать, кто же такой Дэчери. Нет, он не полицейский. На это определенно указывают его манеры, облик. Ведь Диккенс дал своим читателям образец и типаж блюстителя порядка в «Холодном доме», а на него никак не похож Дэчери.

Дэчери — один из переодетых героев романа. Что же — это сам Эдвин Друд? Но, как можно судить по подлинным словам Диккенса, Друд мертв. Отвергает Робсон и гипотезу известного литературоведа Энгуса Уилсона, который полагает, что Дэчери — это Елена Ландлес. Дэчери знает что-то такое, чего не могла знать Викто-

рианская девушка. В пользу того, что Дэчери — не Елена Ландлес, говорит и тот факт, что Диккенс крайне скептически относился к идее переодетых женщин в романах. Прочитав «Лунный камень» и «Женщину в белом» Уилки Коллинза, Диккенс с удовлетворением заметил: «Слава Богу, здесь нет переодетых женщин».

Робсон полагает, что на последний роман Диккенса оказали большое влияние его публичные чтения, которым писатель отдавал немало сил в последние годы жизни. Действительно, в романе много ремарок, а некоторые сцены напоминают сценарий. Есть и еще один любопытный факт, на который Робсон предлагает обратить самое пристальное внимание. Клойстергэм — это художественно измененный Рочестер, место, где когда-то начал свои странствия мистер Пиквик и где родилась женщина, из-за которой Диккенс поломал свой семейный уклад, — актриса Эллен Тернан. Робсон делает дерзкое предположение, что тайна романа в том, что Эдвин Друд — это сам Диккенс, автор, развертывающий перед читателем свой увлекательный вариант — «тысячи одной ночи». Странно, но какая-то тайна окружает молчание Диккенса об этом романе. Писатель, который так любил делиться планами, замыслами с друзьями, коллегами, в данном случае, казалось, не хотел что-либо раскрывать, но не потому, замечает Робсон, что хотел создать детектив из детективов. Так и кажется, что автор стремится что-то скрыть, удивить читателя каким-то новым, до этого неизвестным ему приемом. В противном случае пытливые диккенсовские читатели и уж еще более усердные диккенсовские критики давно бы раскрыли тайну романа. Свой секрет, секрет особый, Диккенс тщательно оберегал, а он, возможно, в том, что в романе в своеобразной форме должна была появиться фигура самого автора. И почему бы ему не появиться, ведь появился же он «во плоти и крови» перед замороженной толпой своих зрителей на публичных лекциях.

Мы предлагаем читателям самые разные материалы и суждения. Классические — работу Дж. К. Уолтерса, размышления Бернарда Шоу о всей шумихе вокруг «Тайны Эдвина Друда» и суждения «неспециалиста», математика, любителя творчества Диккенса — И. Смаржевской. Мы просим читателей быть снисходительными, наверняка какие-то положения этой статьи покажутся более чем дерзкими. Кто знает, может быть, в споре, который вызовет наша публикация, родится истина — ответ на вопрос «Кто же убил Эдвина Друда?»

Кейт Перуджини Диккенс, дочь Чарльза Диккенса

То, что во время работы над «Эдвином Друдом» ум моего отца был ясен и светел, ни у кого из нас, его домашних, не вызывает сомнения. И тот огромный интерес, который он испытывал к этой своей работе, проявлялся во всем, что бы он ни говорил, ни делал. Но интерес этот был предметом беспокойства тех, кто видел, как он работает. Считали, что отец слишком неэкономно расходует свои силы. Смерть его была неожиданной, внезапной, но тем, кто любил его, не раз говорили, что здоровье отца слабеет. Ведь никто не хотел понять, что книга, которая его тогда так занимала, то, что он полностью отдает свои силы новому роману, — все это было слишком дорогой платой за безвозвратно уходящие силы. Любые попытки остановить его кипучую деятельность были сродни попыткам остановить реку. Мы знали всю бесполезность наших стараний и ограничивались все новыми и новыми увещеваниями. Работа продолжалась, унося у отца немногие остававшиеся ему дни жизни.

...Несколько минут он (Диккенс) молчал, подперев голову руками, а потом заговорил о своих делах, рассказал о себе, упомянул в числе прочего об «Эвине Друде», сказал, что, по-видимому, книга эта будет иметь успех. «Если Господь даст мне закончить ее».

Должно быть, я, напуганная его мрачным тоном, резко подняла на отца глаза, поскольку он взял меня за руку и проговорил: «Я сказал „если“, потому что ты и сама видишь, как я сдал за последнее время». Он замолчал, задумчиво глядя в темноту за окном. А потом тихо-тихо заговорил о своей жизни, и многое из того, что я услышала в тот вечер, оказалось для меня внове. То, что отец говорит мне об этом, мне в ту минуту не показалось странным. Но меня взволновал его тон. Он говорил о прошлом, ни разу не упомянув о том, что будет завтра. Отец говорил так, будто жизнь кончена. Мы сидели вдвоем, он рассказывал, а я лишь временами прерывала его словами любви и нежности. Ранний летний рассвет осветил оранжерею, и мы поднялись в дом. Расстались мы с отцом у дверей его спальни. Но я, взволнованная разговором, так и не смогла заснуть...

Из книги «„Эдвин Друд“ и последние дни Чарльза Диккенса»

ДЖОРДЖ КАМИНГ УОЛТЕРС

Ключи к роману Диккенса

«Тайна Эдвина Друда»

Глава I Недописанный роман и метод его написания

Чарльз Диккенс умер 9 июня 1870 года. К 1 апреля он успел издать первый выпуск «Тайны Эдвина Друда». Предполагалось, что роман выйдет в двенадцати ежемесячных выпусках. К моменту смерти Диккенса было опубликовано три выпуска; еще три были в рукописи и опубликованы позже. Но сверх этого не удалось найти ни одной строчки, ни одной заметки, кроме чернового наброска одной главы, которую Диккенс решил не включать. Автор унес свою тайну в могилу, лишь наполовину закончив свое произведение.

Задача, которую Диккенс ставил себе в «Эдвине Друде», не касалась собственно литературного мастерства. В этом смысле он уже достиг наивысшего совершенства, какое ему было доступно. Но построение сюжета, его драматическое развертывание всегда было слабым местом Диккенса и лишь в редких случаях ему удавалось. С этой стороны его неоднократно критиковали как после его смерти, так еще и при жизни. И в нем зародилась мысль — показать, что он тоже может крепко построить сюжет, по-новому, оригинально и так, что никому не удастся предугадать его развитие. Развязка останется тайной автора и будет неожиданностью для читателя. Он с гордостью говорил, что напал на «совершенно новую и очень любопытную идею, которую нелегко будет разгадать... богатую, но трудную для воплощения». Он считал также, что драматическое напряжение «будет непрерывно возрастать» с самых первых строчек. Возникает в высшей степени интересная проблема: способен ли был Диккенс выполнить эту поставленную им себе задачу или нет. Большинство критиков либо просто отвечают, что нет, либо, предлагая собственные весьма жалкие разрешения завязанных Диккенсом узлов, выражают тем неверие в его способности и сомнение в правдивости его слов.

«При чтении Диккенса, — говорит Джордж Гиссинг, — сразу бросается в глаза характерный для него недостаток: его неумение искусно раскрыть те факты, которые он для придания интереса

рассказу долгое время держал в тайне. Этим искусством он так и не овладел... Можно не сомневаться, что и в „Эдвине Друде“, когда дело дошло бы до развязки, проявилось бы это всегдашнее неумение Диккенса». Марциалс и Ланг придерживаются того же мнения. Но они упускают из виду, что Диккенс здесь именно и задался целью побороть свой всегдашний недостаток и показать, что он может сделать то, чего, как ему столь часто говорили, он делать не умеет. К «Эдвину Друду» нужно подходить с особой меркой; нужно учитывать, что Диккенс здесь сознательно поставил себе новую задачу. И ведь даже Гиссинг, этот в данном случае враждебный критик, признает, вопреки своим предшествующим утверждениям, что «Эдвин Друд», если бы Диккенс его закончил, «вероятно, оказался бы наилучше построенной из всех его книг. В уже написанных главах видна такая забота об увязке деталей, которая дает необычный для Диккенса эффект». Редко бывает, чтобы серьезный критик на протяжении двух-трех страниц высказывал столь противоречивые суждения! Есть, однако, и другие критики, которые относятся к «Эдвину Друду» небрежно или презрительно и утверждают, что его тайна вовсе не тайна. Очень легко делать такие выводы, когда разгадку придумал сам, да притом ошибочную. Но тот факт, что эту тайну уже раз десять разгадывали, и все по-разному, что даже относительно общего характера развязки у критиков нет согласия, — Ричард Проктор, например, убежден, что роман должен был иметь счастливый конец, а другие не менее твердо убеждены, что он должен был закончиться самой мрачной трагедией, — все это показывает, что тайна Эдвина Друда, пожалуй, все ж таки была настоящей тайной.

В сущности, в «Эдвине Друде», хотя мало кто это отмечал, есть целых три тайны, две главных и одна второстепенная, которую, впрочем, тоже нелегко разгадать.

Первая тайна, частично раскрытая самим Диккенсом, это судьба Эдвина Друда. Был ли он убит, и если да, то кем и как, и где спрятано его тело? Если же нет, то как он спасся, что с ним случилось и появится ли он опять в романе?

Вторая тайна: кто такой мистер Дэчери, «незнакомец, поселившийся в Клойстергэме» после исчезновения Эдвина Друда?

Третья тайна: кто такая курящая опиум старуха, которая получает в романе прозвище «Принцесса Курилка», и почему она преследует Джаспера?

Первые две тайны взаимосвязаны. Третья не имеет прямого отношения к судьбе Эдвина Друда, и ее следует рассматривать как отдельный эпизод.

Диккенс довел свою книгу до такой стадии, что первую тайну, в которой воплощена его главная мысль, можно разрешить почти с полной уверенностью на основании того материала, который он сам дал нам в руки. Против Джона Джаспера есть достаточно улик, его преступный замысел ясен, действия тоже; казалось бы, нетрудно сделать вывод. Однако и тут у критиков нет единодушия. Джаспер потерпел неудачу, и Эдвин Друд остался жив, говорят одни. Джаспер преуспел в своих намерениях, и Эдвин Друд был убит, утверждают другие. Если по поводу тайны, наполовину уже раскрытой автором, возникают такие споры, то как не ожидать еще больших разногласий в отношении двух остальных тайн, где все гадательно!

Если бы Диккенс довел свой замысел до конца, мы, без сомнения, увидели бы, что первая тайна составляет основу сюжета и остальные ей подчинены. Но роман был так спланирован, что развитию этих второстепенных тем должны были быть посвящены дальнейшие главы — те, что остались ненаписанными; а в уже написанной части темы эти только намечены. Иными словами, автор сказал достаточно для того, чтобы развеять таинственность, окутывающую главную тему, но так мало подвинулся в разработке второстепенных тем, что тут все остается в области предположений и всякий волен судить по-своему. Мы можем почти с математической точностью сделать заключение о судьбе Эдвина Друда на основе того, что черным по белому написал о нем автор. Но когда мы пробуем угадать, каким образом была раскрыта истина и кто именно сыграл тут роль Немезиды, в руках у нас оказываются лишь паутинные нити, которые в любой момент могут оборваться.

Диккенс с увлечением работал над этой книгой, он был уверен, что добился своей цели и его тайна до конца останется тайной для читателя; и в связи с этим он потратил немало изобретательности на то, чтобы создать впечатление, будто эту тайну легко разгадать. Его задачей именно и было ошеломить всех поверхностных разгадчиков, которых столько развелось впоследствии. «Эдвин Друд» во многих отношениях самая обманчивая из всех написанных Диккенсом книг. В ней множество волчьих ям и тупиков. При первом чтении кажется, что разгадки лежат на поверхности. Но те, кто не раз перечитывал эту книгу, постепенно убеждаются в том, что

наиболее простые объяснения все либо сомнительны, либо вовсе ошибочны. Нужно копать глубже, чтобы добраться до сути. Диккенс заманивает читателя на ложный путь и делает это так тонко, что приходится дивиться его искусству. «Эдвин Друд», пожалуй, самое хитрое и самое сложное из произведений этого жанра. С какой

Джаспер и Розовый Бутон. Иллюстрация Филдса

аккуратностью подогнаны у него одна к другой все детали, как точно взвешено значение каждого, даже самого мелкого факта! О том, насколько ему удалось сбить охотников со следа, мы лучше всего сможем судить, если ознакомимся с противоречивыми выводами, к которым приходили даже самые квалифицированные разгадчики.

Прежде всего надо сказать, что в бумагах Диккенса не найдено никаких записей, касающихся продолжения романа. «Диккенс не написал ничего, выявляющего основные линии замысла, — говорит Джон Форстер, — кроме того, что содержится в уже опубликованных выпусках; в заготовленных рукописных главах тоже нет никаких указаний, никаких намеков на то, чем должен был кончиться роман... Бывает, что писатель оставляет нам хотя бы наброски замыслов, которые ему не удалось осуществить, намерений, которые он не смог привести в исполнение, намеченных дорог, по которым он не успел пройти, сияющих вдали целей, которых ему не суждено было достигнуть. Здесь ничего этого нет. Белое пятно». Впрочем, несколькими страницами дальше Форстер показывает, что не такое уж это было абсолютно белое пятно: был найден черновик исключенной Диккенсом главы — «Как мистер Сапси перестал быть членом клуба „Восьмерых“». Эта глава имеет все-таки некоторое отношение к развязке. Добавим еще, что издатели Диккенса всегда отвергали слишком поспешные умозаключения и никогда не давали своей санкции на сочинение каких-либо «окончаний» «Эдвина Друда», якобы в духе автора. В Америке, правда, вышла наглая книжонка с именами Уилки Коллинза и Чарльза Диккенса-младшего на титульном листе, но ее настоящие авторы впоследствии сознались в обмане.

В том же году, когда началась и преждевременно кончилась публикация «Эдвина Друда», в Нью-Йорке за подписью Орфеуса С. Керра вышла книга под заглавием «Раздвоенное копыто.

Переложение английского романа „Тайна Эдвина Друда“ на американские нравы и обычаи, обстановку и действующих лиц. В декабре 1870 года тот же автор поместил в ежегоднике «Пикадилли и Эннуэл» статью «Тайна мистера Э. Друда». Более интересна книга «Тайна Джона Джаспера», вышедшая в Филадель-

фии в 1871 году, размером почти равная оригиналу и представлявшая собой попытку дополнить недостающие главы. Двумя годами позже, и тоже в Америке, появилось фантастическое произведение, будто бы продиктованное духом Диккенса на спиритическом сеансе, которое беззастенчиво именовалось «Вторая часть „Эдвина Друда“». В 1878 году одна манчестерская дама, писавшая под псевдонимом Джиллан Вэз, выпустила трехтомник под названием «Великая тайна разгадана. Продолжение романа „Тайна Эдвина Друда“». Реальная ценность и литературные качества этих трех томов обсуждались критикой — отзывы были неблагоприятные и даже уничтожающие. Для нас все эти «продолжения» интересны только, так сказать, с отрицательной стороны, поскольку ни в одном не предлагается того решения, которое мы намерены изложить ниже. Наиболее серьезной попыткой этого рода является, без сомнения, ряд статей,

опубликованных Проктором в журнале «Ноледж» под общим заглавием «Мертвец выслеживает» (в ответ на статью в «Корнхилл мэгэзин» от февраля 1874 г.). Впоследствии — в 1882 году — Проктор перепечатал отрывки из этих статей в своем «Чтении в часы досуга», которое выпустил под псевдонимом «Томас Форстер». Теория его такова: Джон Джаспер потерпел неудачу, и Эдвин Друд снова появляется в романе как Дик Дэчери. Соображения Проктора подчас очень остроумны, но наиболее существенных моментов он либо не касается, либо оставляет их неразрешенными. Особенно слаб у него конец, и категорические его утверждения, собственно говоря, ни на чем не основаны. Он совершенно неправильно понял встречу Дика Дэчери со старухой и все, на что намекают их реплики и их последующие действия; он не сумел толком объяснить значение меловых черт, которые проводит Дэчери; и он уж совсем не прав, когда утверждает, что «ни одно из действующих лиц, кроме самого Друда, не могло по тем или иным причинам сыграть роль Дэчери». Но ведь никакое решение, даже самое остроумное, не может быть принято и оправдано, если оно не считается с теми фактами, которые нам сообщил сам Диккенс. Нужно поверить, что автор ничего не говорил зря, и только исходя из написанного им следует искать разгадку.

Глава II Анализ романа

Фабула «Эдвина Друда» сплетена из столь многих элементов, что одно только их перечисление — а забывать ничего нельзя, даже самых мелких и, казалось бы, незначительных фактов, иначе можно упустить нить, — займет немало времени и потребует немало труда. Диккенс, так сказать, высыпал перед нами в беспорядке китайскую головоломку; каждый кусочек надо внимательно рассмотреть, сообразить, что он значит, и вставить на надлежащее место.

Составные элементы этой истории, если их перечислить как можно короче, суть следующие:

Эдвин Друд и Роза Буттон еще в раннем детстве были обручены их покойными родителями. Они выросли, питая друг к другу привязанность, но не любовь.

Джон Джаспер, дядя Эдвина, старше его лишь несколькими годами, безумно влюблен в Розу. Она это знает и боится его.

Джаспер — талантливый музыкант и, как канонический певчий Клойстергэмского собора, пользуется всеобщим уважением, но втайне предается курению опиума и в связи с этим посещает какой-то притон в Лондоне.

Джаспер всячески подчеркивает свою необыкновенную привязанность к Эдвину Друду, но тем не менее мучается ревностью и решает его убить. План убийства у него уже обдуман: он задушит Эдвина шелковым шарфом и спрячет тело в одном из склепов возле собора.

Местный аукционист, напыщенный глупец по фамилии Сапси, недавно похоронил свою жену. Джаспер проводит с ним вечер, и Сапси знакомит его с чудаком и пьяницей, каменотесом Дёрдлсом, у которого находятся ключи от соборных подземелий и от склепов. Джаспер вертит в руках эти ключи, позвякивает одним о другой, запоминает, какой звон издает ключ от склепа, где похоронена супруга мистера Сапси. Теперь он даже в темноте сможет отличить этот ключ по тяжести и по звуку.

Но Дёрдлс сообщает Джасперу неожиданное и поражающее того известие. Оказывается, каменотес может постукиванием молотка определить, один ли покойник захоронен в склепе или два, и обратился ли уже покойник в прах или еще нет. После этого Джаспер начинает интересоваться действием негашеной извести, и Дёрдлс объясняет ему, что она сжигает все — кроме металлических предметов.

Еще важная подробность: когда Дёрдлс задерживается в окрестностях собора «после десяти», его загоняет домой камнями безобразный мальчишка по кличке «Депутат», который состоит служащим в дешевых номерах для приезжих. Джаспер приходит в бешенство всякий раз, как встречает ночью этого бессонного стража; они относятся друг к другу с величайшей враждебностью.

Затем вводятся новые действующие лица — близнецы Невил и Елена Ландлес, круглые сироты, выросшие на Цейлоне, где они провели крайне несчастливое детство под властью жестокого отчима. Их опекун после смерти отчима, мистер Сластигрох, весьма агрессивный субъект, выдающий себя за филантропа, привозит их в Клойстергэм и препоручает заботам младшего каноника, мистера Крипаркла, которому предстоит обучать их и воспитывать. Невил с первого взгляда влюбляется в Розу и, возмущенный небрежным обращением с ней Эдвина, затевает с ним ссору. Джаспер искусно

разжигает их вражду, а затем сообщает канонику, что жизнь Эдвина Друда в опасности.

Тем временем Эдвин и Роза, посоветовавшись с мистером Грюджиусом, «угловатым», старомодным и добросердечным опекуном Розы и душеприказчиком ее умерших родителей, решают порвать свою помолвку. Джасперу они об этом не говорят, так как Эдвин боится огорчить его таким известием.

Мистер Грюджиус еще раньше вручил Эдвину кольцо «с розеткой из бриллиантов и рубинов, изящно оправленных в золото», которое Эдвин должен надеть Розе на палец, если их свадьба состоится. Но положение изменилось: Эдвин оставляет кольцо у себя — он носит его в кармане, — и это единственная из имеющихся на нем драгоценностей, о которой Джаспер не знает.

Теперь вся предыстория изложена и главные действующие лица введены. С этого момента действие развивается быстро, и все дальнейшие события следует рассматривать как факторы, непосредственно подвигающие его к развязке. Вместе с тем ничто не объяснено, и большую часть того, что происходит, можно толковать по-разному. Читатель оказывается в положении человека, которому надо в темноте перейти через дорогу: на дороге все время вспыхивают сигналы, но для непосвященного они могут быть обманчивы, и то, что как будто зовет вперед, возможно, есть знак остановиться. Диккенс не пожалел изобретательности на расстановку этих фальшивых сигналов.

Джаспер посещает соборные подземелья в обществе Дёрдлса, и тот рассказывает ему о странном сне, который видел в прошлый сочельник: Дёрдлс слышал во сне «призрак крика». Джаспер подпаивает Дёрдлса вином, в которое подсыпан сонный порошок, следит за действием наркотика и потом на свободе осматривает склепы. Диккенс называет это «очень странной экспедицией».

Невила и Эдвина стараются помирить: они должны встретиться у Джаспера в канун рождества и покончить со своей враждой.

В тот же день Эдвин случайно встречает в Клойстергэме курящую опиум старуху. Она объясняет ему, что приехала сюда кого-то искать, и говорит попутно, что «Нэд — нехорошее имя», тому, кого так зовут, грозит опасность (а из всех близких Эдвина один только Джаспер так его называет).

Невил готовится на следующее утро предпринять в одиночестве пешеходную экскурсию.

В ночь их встречи разражается страшная буря, а утром оказывается, что Друд исчез.

Джаспер тотчас обвиняет Невила в убийстве, так как тот в полночь пошел с Эдвином на реку. Обвинению не дают хода за недостатком улик, но Невил остается под подозрением. Он уезжает в Лондон и снимает квартиру неподалеку от конторы мистера Грюджиуса. Сестра Невила еще некоторое время живет в Клойстергэме и своим мужественным поведением побеждает общее недоброжелательство.

Каноник Криспаркл находит в реке принадлежащие Эдвину Друду часы с цепочкой и булавку для галстука. Это подтверждает версию об убийстве. Джаспер решает посвятить себя изобличению преступника; он клянется его уничтожить.

Грюджиус рассказывает Джасперу о том, что Эдвин и Роза порвали свою помолвку. Эта новость производит на него потрясающее впечатление: он падает в обморок.

Здесь кончается вторая часть романа, в которой все тайна, и начинается третья часть, посвященная разгадке тайны.

Прошло полгода, и в Клойстергэме появляется таинственный незнакомец. У него пышная седая шевелюра и черные брови. Его имя Дик Дэчери, и себя он рекомендует как «старого холостяка, празднично живущего на свои средства». Он снимает комнату у Топа, в том же доме, где живет Джаспер, и немедленно знакомится с ним.

Джаспер, наконец, открывается Розе в любви. Напуганная этим объяснением, она бежит к Грюджиусу. Грюджиус, оказывается, уже некоторое время следил за Джаспером и установил, что тот время от времени тайком приезжает в Лондон, по-видимому с целью слежки за Невилом.

Розе устраивают тайное свидание с Еленой в квартире молодого моряка, мистера Тартара. Здесь действие несколько затормаживается включением забавных сценок, изображающих переговоры Розы с хозяйкой меблированных комнат, миссис Билликин, и освещающих оригинальные отношения Грюджиуса с его конторщиком Баззардом, неудачливым автором трагедии.

В следующей главе мы опять видим Джаспера в притоне, где курят опиум. Накурившись, он бормочет что-то несвязное о каком-то роковом путешествии, которое он совершил, и о том, что в этом путешествии у него был спутник. Старуха слушает его с пристальным вниманием, пытается узнать больше, но это ей не удается; тогда она

едет следом за Джаспером в Клойстергэм. Там она встречается с Дэчери и рассказывает ему о своей предшествующей встрече с Эдвином Друдом. Она узнает от Дэчери, что Джаспера можно каждый день видеть в соборе, идет туда, слышит, как Джаспер поет, и грозит ему кулаком. Дэчери все это видит, и так как он имеет обычай записывать все, что ему удалось узнать, при помощи меловых черточек — по способу, принятому в старинных трактирах, — то, вернувшись из собора домой, он «прибавляет к счету толстую и длинную меловую черту».

На этом месте роман внезапно обрывается.

И с этого места начинаются все домыслы относительно его конца. Тройная тайна показана; остается найти тройную разгадку.

Проктор полагает, что Диккенс намеревался построить этот роман примерно так же, как и ранее написанную повесть «Пойман с поличным», где человек, которого пытались погубить, сам выслеживает обманутого и сбитого с толку убийцу. Согласно этой теории, Эдвин Друд, скрывшийся после неудачного покушения на него, возвращается в Клойстергэм загримированный под Дика Дэчери, для того чтобы обвинить Джаспера. Но это такая дешевая мелодрама, это такой банальный, даже дилетантский прием, — нам пришлось бы признать, что Диккенс обманывал сам себя, когда говорил об осенившей его «совершенно новой идее, которую нелегко будет разгадать». Однако если это неправильное объяснение, то какое же правильно? Чтобы в этом разобраться, надо по возможности проследить замысел Диккенса в отношении судьбы Эдвина Друда. Спасся ли он, и если да, то как? Если он остался жив, то какая роль будет ему отведена в заключении романа? А если он погиб, то каким образом будет раскрыто преступление и преступник передан в руки правосудия? Вот те вопросы, на которые мы должны теперь ответить; а для этого нужно тщательно проанализировать метод, которым Диккенс работал. Такое исследование представляет большой интерес, ибо, каковы бы ни были его результаты, оно, во всяком случае, покажет нам, сколько выдумки, находчивости и изобретательности вложил Диккенс в свое последнее произведение.

Глава III Первая тайна: жив или умер?

Был ли Эдвин Друд убит?

Что Джаспер хотел его убить и составил план убийства с величайшей точностью, не упуская ни единой мелочи, — это не составляет тайны. Но повод для преступления, страшное решение дяди убрать со своей дороги племянника, который стоял между ним и Розой, может показаться неправдоподобным, если мы не постараемся изучить и понять характер Джона Джаспера*.

Джаспер был уверен, что свадьба помолвленной четы неизбежна и состоится очень скоро; ему и в голову не приходило, что жених и невеста могут расстаться по собственной воле. Поэтому он решился на преступление, в котором, как он впоследствии узнал, не было надобности. Это вполне согласуется с тем, что Диккенс говорил Джону Форстеру. Убийство, а затем исповедь преступника в камере для осужденных — вот как намеревался Диккенс построить роман. Если принять версию Проктора, согласно которой Эдвин Друд остался жив, то, во-первых, придется допустить, что Диккенс на ходу перестроил уже тщательно разработанный план, а во-вторых, надо будет еще как-то объяснить, за что же в таком случае был осужден Джаспер. Придется также отбросить все объяснения Форстера, которые он записал со слов Диккенса (см. его «Биографию Диккенса», часть XI, глава 2).

Еще одно обстоятельство подтверждает мысль, что убийство, а не только покушение на убийство, должно было стать основой фабулы. Клойстергэм — это, собственно, Рочестер, и в Рочестере случилось одно происшествие, которое, как полагают, и послужило Диккенсу материалом для этого романа. Эта история рассказана в книге У. Р. Хьюза «Неделя в диккенсовских местах».

Один тамошний житель, холостяк и человек со средствами, но небогатый, был опекуном и попечителем своего племянника, которому по достижении совершеннолетия предстояло вступить во владение огромным состоянием. Молодой человек уехал в Вест-Индию, потом неожиданно вернулся. После этого он исчез. Предполагали, что он снова отправился в путешествие. Дом его дяди

* Диккенс, по-видимому, сам это чувствовал. В главе XX он вкладывает следующие слова в уста Розы: «„Да зачем ему было это делать?“ Она стыдилась ответить: „Чтобы завладеть мною!“ И закрывала лицо руками, как будто даже тень столь тщеславной мысли делала и ее преступницей».

находился на Главной улице и граничил с участком, принадлежавшим банку. Когда, много лет спустя, там производили земляные работы, был найден скелет молодого мужчины. По местному преданию, дядя убил своего племянника и закопал его тело. Вот зародыш «Тайны Эдвина Друда», и тайна тут не столько в самом преступлении, сколько в том, как оно было скрыто и как потом обнаружено.

Джаспер — артист по темпераменту, и он вносит артистизм в свое преступление. Он хорошо знаком с действием ядов. Он испытал их на себе — курил опиум; испытал на Невиле — подмешал ему в вино какое-то возбуждающее; испытал на Дёрдлсе — опоил его снотворным. Нехитро убить врага, но сделать это так, чтобы не осталось улики, чтобы человек исчез бесследно, — для этого нужна выдумка. Джаспер, обладавший воображением художника, сумел это сделать, так же как сумел обратить подозрение на невиновного.

Заманив Невилу Ландлеса в ловушку, Джаспер приступает к выполнению своего ужасного замысла. План, который он заранее составил, тоже говорит о художественном воображении составителя. В подходящий момент — при обстоятельствах особенно компрометирующих Невилу — Джаспер встретится со своим племянником возле собора, одурманит его каким-то наркотиком и затем задушит шелковым шарфом, который носит обмотанным вокруг собственной шеи. Потом спрячет тело в одном из склепов, где его, можно надеяться, не скоро потревожат. Все это произойдет ночью — в безлунную ночь, по расчетам Джаспера; значит, нужно быть готовым к тому, что действовать придется в полной темноте. Надо точно знать местоположение склепа, чтобы быстро и безошибочно его найти. Надо уметь выбрать нужный ключ из связки не по виду, а по тяжести и по звуку. Для натренированного уха музыканта достаточно будет самого легкого позвякивания.

Но его смутили слова Дёрдлса — тот похвалялся, что может, постукивая молотком по стене склепа, определить, один ли покойник там захоронен или два и насколько они уже истлели. «Дайте-ка сюда молоток, — говорит Дёрдлс. — Вы ведь, когда ваш хор поет, задаете ему тон, мистер Джаспер? Да? Ну, а я слушаю, какой будет тон. Стук! Стук! Стук! Цельный камень. Еще постучим. Эге! Тут пусто. Ну-ка еще. Ага! Твердое в пустоте, а в твердом в середине опять пусто. Ну вот и нашли. Каменный гроб за этой стеной, а в гробу рассыпавшийся в прах старикан» (глава V). Джаспер, услышав это,

вероятно, не только удивился, как он сам говорит, но и втайне встревожился. Что, если Дёрдлс вздумает обстукивать склеп миссис Сапси и обнаружит там нечто, чего раньше не было? Один лишь намек на эту непредвиденную опасность останавливает Джаспера. Рисковать ему нельзя. Еще два-три вопроса, обращенных к Дёрдлсу, и решение принято. Как только тело будет помещено в склеп, надо засыпать его негашеной известью, которая «башмаки вам сожжет, а если поворошить ее хорошенько, так и все ваши косточки съест без остатка».

Но она не уничтожит металла. Стало быть, с драгоценностями, которые носит на себе Эдвин, — их немного, и Джаспер знает их наперечет, — надо распорядиться иначе. Живое воображение артиста тотчас улавливает скрытые в таком ходе возможности. Снять драгоценности с тела, забросить их в реку, выбрав место, где их легко найти — они ведь не уплывут, а будут лежать на дне, — подождать, пока их найдут, а в худшем случае самому навести кого-нибудь на след и потом развивать версию, что Эдвин утонул. Еще лучше бы подсказать догадку о злом умысле — подстроить так, чтобы Невил, на которого естественно падет подозрение, пошел с Эдвином к реке как раз перед тем, как тому исчезнуть. Это была бы не только ширма для него, Джаспера, но и лишнее звено в цепи косвенных улик, которую он кует против невинного.

Таков план Джаспера. Был ли он осуществлен? Большинство критиков говорят, что нет, и в первую очередь Проктор. Каким-то чудесным и таинственным образом Эдвин Друд спасся, хотя покушение на него было, и Джаспер не сомневается в том, что довел дело до конца. Вот уж поистине чудесное спасение! Яд, удавка, негашеная известь — и все без последствий. А меж тем что-то над ним было проделано, потому что драгоценности с него сняты. Что-то такое, что внушило убийце уверенность в успехе. Джаспер на этот счет совершенно спокоен — он обвиняет Невилу, объясняется Розе в любви, позволяет себе угрозы и дерзкие выходки и ничуть не боится, что Эдвин может восстать из мертвых. Он даже говорит Розе — и это звучит как скрытое признание: «Так суди же сама, может ли другой любить тебя и оставаться в живых, когда жизнь его в моих руках?» Слова эти многозначительны. В сущности, Джаспер почти напрямик заявляет: «Я не поколебался убрать с дороги самого близкого и дорогого мне человека, так пощажу ли я кого-то другого?» Если Эдвин Друд уцелел, если Джаспер оставил ему хоть

малейший шанс на спасение, то каким же глупцом выглядит этот хитроумный злодей!

И все же, говорят критики, Эдвин Друд просто скрывается. Скрывается — и допускает, чтобы Невила Ландлеса обвинили в убийстве, арестовали, чуть не подвели под виселицу; допускает, чтобы на Елену Ландлес, в которую он влюблен, обрушилась людская злоба; допускает, чтобы Роза, когда-то его невеста, а потом самый его близкий друг, его милая сестра, подвергалась преследованиям со стороны человека, о котором он достоверно знает, что тот чудовище в человеческом образе; и, наконец, спустя полгода, снова появляется как Дик Дэчери, чтобы выслеживать своего убийцу и окольным путем добывать какие-то доказательства его вины, которая и так ему слишком хорошо известна.

«Невозможно представить себе, — пишет Эндрю Ланг, — почему Эдвин Друд, если он спасся от своего злодея дяди, только ходит да шпионит за ним, вместо того чтобы открыто выступить с обвинением. Для этого не придумаешь никакой сколько-нибудь правдоподобной и не фантастической причины». Однако именно этой теории до сих пор придерживалось большинство исследователей, и главный их аргумент в ее пользу — это, что построение «мертвец выслеживает» было излюбленным приемом Диккенса. Попробуем в этом разобратся.

Действительно, Диккенс не раз заставлял мнимоубитого самолично преследовать своего мнимого убийцу. Тому есть разительные примеры. Тотчас вспоминается Джон Роксмит в «Нашем общем друге», — хотя в данном случае Диккенс вовсе не делал из этого тайны, наоборот, «всеми силами старался подсказать разгадку». Более отчетливо дана аналогичная ситуация в высокодраматической повести «Пойман с поличным», написанной уже совсем в духе «Эдвина Друда»: там Мелтэм неусыпно следит за своим врагом, когда тот бодрствует и когда спит, и таким образом «исхищает все тайны его жизни». Нечто подобное, хотя и с другой подоплекой, мы находим также в рассказе Неджета о том, как он выслеживал Джонаса Чеззлвита. Это очень любопытные совпадения, яркие, бросающиеся в глаза, и все же они до странности неубедительны. Диккенс обещал показать в «Эдвине Друде» неразрешимую тайну, новую комбинацию, которую сам считал совершенно оригинальной, секрет, не поддающийся разгадке. Так возможно ли, мыслимо ли, чтобы в 1870 году он стал предлагать

читателю в качестве неразрешимой тайны ту ситуацию, которую он уже использовал в 1864 году в «Нашем общем друге» и которую он развил до предела в повести «Пойман с поличным» еще в 1859 году? Иными словами, с какой стати ему было восхвалять идею «Эдвина Друда» как не поддающуюся разгадке, когда он сам уже дважды давал на нее разгадку?

Очень интересно также, что Люк Филдс, художник, избранный Диккенсом для иллюстрирования «Эдвина Друда», решительно отвергает версию Проктора. Он убежден, — как сообщил нам покойный У. Р. Хьюз (автор «Недели в диккенсовских местах»), слышавший это непосредственно от Филдса, — что, по замыслу Диккенса, Эдвин Друд должен был погибнуть от руки своего дяди; недаром в четырнадцатой главе появляется на шее Джаспера «длинный черный шарф из крепкого крученого шелка», — он-то, очевидно, и послужил орудием убийства. Такая заметная и неудобная в живописном отношении деталь не ускользнула от внимания художника, пристально изучавшего внешний облик действующих лиц, которых ему предстояло изображать, и когда Филдс сказал об этом Диккенсу, тот удивился и даже словно бы смутился, как человек, нечаянно выдавший свой секрет. Далее Филдс говорил, что Диккенс хотел взять его с собой в камеру осужденных в Мэйдстоне или какой-нибудь другой тюрьме для того, чтобы он мог сделать там зарисовки. «А из этого можно заключить, — сказал Филдс, — что Диккенс намеревался показать нам Джаспера в камере осужденных перед его казнью». Кроме того, Хьюз приводит слова Чарльза Диккенса-младшего. Тот утверждал, что «Эдвин Друд был убит и что отец сам ему это сказал».

Именно потому, что Диккенс уже раньше строил фабулу по типу «мертвец выслеживает», в «Эдвине Друде» следует ожидать чего-то другого. Теория «повторного приема» несостоятельна.

Приверженцы этой теории затрагивают еще и другой вопрос, который мы здесь уже ставили, а именно: зачем Друду с таким трудом и таким риском для себя разузнавать по кусочкам то, что уже полностью открылось ему в страшный момент его прозрения? И еще: зачем ему позволять, чтобы злодей, чья преступная воля ему известна, оставался на свободе и умножал свои преступления? В случаях с Роксмитом и Мелтэмом были обстоятельства, оправдывавшие такое поведение; в случае с Друдом таких обстоятельств

нет. Открывшись, он устранил бы всякую опасность для тех, кто ему дорог; скрываясь, он эту опасность усугубляет.

Наконец, эта теория, бессильная правильно истолковать факты и неизбежно приводящая, как я надеюсь здесь показать, к ложным и нелогичным выводам, не выдерживает критики и в том случае, если мы будем рассматривать «Эдвина Друда» с точки зрения литературного мастерства. Ни один писатель, знающий толк в своем ремесле, не станет перегружать свое произведение ненужными подробностями. Никто не воздвигает огромного здания, если этому зданию суждено остаться пустым. Если Джаспер потерпел неудачу, значит, добрая половина материала, так заботливо подобранная Диккенсом, потрачена зря и вместо увлекательной тайны перед нами раздражающая бессмыслица. Больше того: самый рассказ, как таковой, становится ущербным. Эдвин Друд, который немногим больше, чем кукла с наклеенным на нее именем, который как личность не привлекает симпатии и чья судьба никого не волнует, этот Эдвин Друд сохранен, а для чего, собственно? В развязке романа он лишний, как по ходу действия, так и в эмоциональном плане: он только попусту загромождает сцену. С точки зрения писательского искусства все это очень плохо, до такой степени плохо, что вряд ли Диккенс мог допустить такую нескладицу.

Проктор, поддерживающий версию о спасении и последующем восстании Эдвина из мертвых, не находит для него иной роли, кроме следующей:

«Роза выходит замуж за Тартара, Елена Ландлес за Криспаркла, а Эдвин и мистер Грюджиус смотрят на это с одобрением, хотя Эдвин не без грусти». Опрокинуть тщательно разработанный план, и в конце концов отвести герою столь незначительную роль — право же, это недостойно Диккенса.

Сила Проктора в анализе — он подробно рассматривает и остроумно мотивирует поведение Джаспера. Но, доказав, что все его действия осмысленны, он тут же принимается доказывать, что все они ни к чему не ведут. Лучшая часть его статьи — это превосходный разбор самых важных в сюжетном отношении и наиболее хитро построенных глав — той, в которой Джаспер разговаривает с Сапси и Дёрдлсом и разглядывает ключи от склепов, и той, в которой он предпринимает вместе с Дёрдлсом «странную экспедицию» в сборные подземелья. Тут Проктор на высоте: он отмечает все скольконибудь существенные факты и все выводы, которые надлежит

сделать из этих фактов. Астрономические его познания тоже пригодились: он показывает нам, как Джаспер мог рассчитать, что ночь, избранная им для преступления, будет безлунной, и стало быть, ему тем более важно уметь отличить нужный ключ в темноте по тяжести и по звуку. Проктор опять-таки превосходно объясняет связь между сновидениями Дёрдлса (когда тот спит в подземелье, опоенный Джаспером) и подлинными действиями Джаспера: «Джаспер взял у спящего каменщика ключи, испытал их на звук, выбрал тот, который был ему нужен (ключ от склепа миссис Сапси), и вышел из подземелья, дверь которого, как подчеркивает автор, они заперли, входя. Что делал Джаспер в долгие часы своего отсутствия — неясно. У него было достаточно времени, чтобы зайти с этим наиважнейшим ключом к себе домой — под покровом ночи его никто бы не заметил. У него было достаточно времени, чтобы отомкнуть склеп и перенести туда некоторое количество негашеной извести из кучи у ворот. Чем он действительно занимался в этот промежуток времени, было бы объяснено в дальнейших главах».

И вместе с тем Проктор, как ни странно, мало придает значения кольцу, которое Эдвин должен был передать Розе. Ради поддержания своей теории он вынужден игнорировать самую важную улику, оставленную преступником. И Проктор попросту отмахивается от нее, утверждая, что кольцо, с его «роковой силой держать и влечь», это всего-навсего один из ложных следов, разбросанных Диккенсом в романе. Весьма беспомощное уклонение от серьезной трудности! Если Диккенс с такой торжественностью ввел это кольцо в роман только для того, чтобы «сбить читателя со следа», а не для того, чтобы в дальнейшем использовать эту выразительную деталь, значит, Диккенс поистине был плохой писатель.

Равным образом Проктор ошибается, когда заявляет, что Эдвин Друд не принадлежит к числу тех действующих лиц, которых автор мог бы обречь на смерть. Это чистейшее заблуждение: на самом деле, Эдвин Друд очень бледный персонаж. Он не вызывает эмоций. Мы очень мало о нем знаем. Его судьба интересна только в силу своей таинственности, а не потому, что мы его жалеем. Он почти бесцветен, а то немногое, что о нем рассказано, не служит к его выгоде: он полон самомнения, доверчив до глупости, легко раздражается. «Его самовлюбленность, — говорит Ланг, — делает его крайне несимпатичным». Он, безусловно, не принадлежит к числу тех действующих лиц, которых автор или читатели захотели бы сохранить.

Наконец, Проктор не прав в своих выводах относительно Дэчери и его разговора со старухой; тут он даже сам себе противоречит. Вообще, его остроумная статья вызывает подозрение, что свою теорию он создал раньше, чем хорошенько ознакомился с фактами, изложенными в романе, и затем подгонял их к уже готовой схеме.

Предположения Форстера кажутся мне гораздо более правдоподобными; они-то и намечают путь, по которому надо идти. Основой фабулы, говорит он, «было убийство племянника его дядей» — а не только покушение на убийство. И в конце романа мы увидели бы убийцу в камере для осужденных, где он пересматривает всю свою жизнь, исповедуется в своем преступлении и признает его ненужность. А раскрытие преступления должно было совершиться с помощью кольца. Все это вполне согласуется с теорией, которую мы намерены теперь изложить и которая логически вытекает из одного очень простого соображения, а именно, что не стал бы Диккенс так подробно расписывать замысел преступления и накапливать столько неотразимых улик против преступника, если бы в конце концов оказалось, что преступления не было и все эти улики не нужны.

Глава IV Вторая тайна: «Мистер Дэчери»

Итак, можно считать, что Эдвин Друд погиб. Убийство было задумано, и убийство совершилось. Таков был первоначальный замысел Диккенса, и все описанное в первых главах показывает, что он от него не отказался.

Убийца — Джон Джаспер. Мы можем проследить все его приготовления, все принятые им меры, все его расчеты вплоть до того момента, когда удар был нанесен. И мы так хорошо знаем план, разработанный этим артистом преступления, мы так ясно ощущаем его непоколебимую злую волю, что как будто своими глазами видим то, что произошло в эту бурную полночь, во время разгула стихий.

В мыслях своих Джаспер совершал убийство еще задолго до того, как оно реально осуществилось. «Что случилось? Кто это сделал?» — восклицает он, пробуждаясь от населенного страшными видениями сна (глава X). О том же говорят его полубредовые признания в притоне для курильщиков опиума, уже после преступления. «Сто тысяч раз я это проделывал здесь, в этой комнате... Да, это было мне

приятно!.. Я делал это так часто и так подолгу, что, когда оно совершилось на самом деле, его словно и делать не стоило, все кончилось так быстро!» (глава XXIII). К тому же заключению приводят нас записи в его дневнике, которые он читает мистеру Криспарклу. Они начинаются с упоминания о терзающих его «недобрых предчувствиях», о «болезненном страхе за моего дорогого мальчика»; и, конечно, эти неосязаемые предчувствия оправдались, о чем позаботился сам Джаспер: «Мой бедный мальчик убит».

Но Диккенсу для его собственных авторских целей нужно было, чтобы оставалось сомнение; и он заманивает в ловушку непроницательного читателя, подчеркивая в дальнейших главах, что «никаких следов Эдвина Друда не было обнаружено», «не было доказательств, что исчезнувший юноша убит». Это верно. Но, припомнив разработанный Джаспером план, нетрудно догадаться, что доказательств нет именно потому, что Эдвин Друд убит. Его тело сожжено негашеной известью. И дерзкое поведение Джаспера, его небоязнь подозрений, его уверенность в том, что, сколько бы ни искали, все равно ничего не найдут, как раз и доказывает, что он осуществил свой план. И потому именно, что улики все уничтожены, понадобилось это кольцо, единственная улика, о которой Джаспер не знал и которой не предусмотрел. Это та ничтожная случайность, которая повернет судьбу.

В главе XVI Диккенс рассматривает обвинение против Невилы Ландлеса, и мы сразу видим, что оно слабо, искусственно и неубедительно. В главе XX он говорит о предположительном обвинении Джаспера, но при этом разбирает доводы не за, а против его виновности. Это еще одна авторская уловка, попытка навести нас, если возможно, на ложный след. Роза подозревает Джаспера. На каком основании? Могла ли любовь к ней подвигнуть его на убийство? Да, если эта любовь так безумна, как говорит сам Джаспер, если это всепоглощающая страсть. И затем от лица Розы излагается рассуждение, нарочитое, конечно, но довольно убедительное: «Исчезновение Эдвина он упорно называл убийством... Если он боялся раскрытия преступления, разве ему не было бы выгоднее поддерживать версию о добровольном исчезновении?» Диккенс, стремясь сбить нас со следа, разумеется, не объясняет, что открыто обвинить Невилу в убийстве для Джаспера гораздо безопаснее, чем допускать, чтобы в умах окружающих зародились какие-либо сомнения, что, конечно, произошло бы, если бы ситуация оставалась

неясной. Тогда подозрение могло бы в любую минуту обратиться на него самого, а так он его заранее отвел. Короче говоря, Джаспер поступает именно так, как на его месте поступил бы всякий хитрый и дальновидный преступник.

Друд исчез, его никогда не найдут, остается вопрос: будет ли когда-нибудь раскрыта тайна, замкнутая в сердце виновника?

Тут мы подходим к главному узлу интриги. После того как преступление совершилось, после того как Невил был сперва обвинен, потом отпущен за недостатком улик и уехал в Лондон, «в Клойстергэме появилось новое лицо». Когда именно, точно не указано, во всяком случае через несколько месяцев после описанного выше и столь богатого событиями рождества — по-видимому, летом. Незнакомец сообщает, что его зовут Дэчери, Дик Дэчери. Он объявляет о своем намерении пожить в Клойстергэме месяц-другой, «а может быть и совсем тут обосноваться». Он снимает комнаты у главного жезлоносца, мистера Топа, в домике над воротами, как раз напротив квартиры Джаспера. Кто же такой этот Дэчери? Это и есть настоящая тайна. Это та неожиданность, которую припас Диккенс для читателей, которую он подготавливал с самого начала. И о его искусстве свидетельствует именно то, что до сих пор критики либо преуменьшали значение этого эпизода, либо вовсе оставляли его без внимания.

Тут прежде всего нужно ознакомиться со стилем и методом Диккенса, с его обычными приемами для достижения драматического эффекта. С другой стороны, хотя манера автора и неотделима от его личности, нужно учитывать, что он может сознательно кое-что в ней изменить, что он может стремиться избежать повторений. В «Эдвине Друде» Диккенс так подобрал все детали, что не только все они значимы, но ни одна не случайна; каждая служит определенной цели, каждая имеет точное место в окончательном плане. Чем чаще читаешь и анализируешь этот роман, тем это становится очевиднее.

Диккенс считал, что его тайна не поддается разгадке. Поэтому всякий раз, как он наводит нас на разгадку, подсовывает нам решение, силится разъяснить темную фразу или непонятный факт, читателю надлежит проявлять скептицизм. Диккенс заранее рассчитал — и не ошибся в расчетах, — что всякий, кто усомнится в гибели Эдвина Друда, немедленно придет к выводу, что Дэчери и есть исчезнувший юноша. Самая очевидность такой догадки

должна послужить нам предостережением; самая простота этого решения вызывает вопрос: «Что уж это за особенная тайна?»

Нужно внимательнее проследить все подробности интриги, все поступки действующих лиц. Решить, кто такой Дэчери, можно только путем исключения; нужно, чтобы мы могли сказать: «Дэчери — это такой-то, потому что никто другой им быть не может». А затем нужно посмотреть, могло ли данное лицо сыграть такую роль и были ли у него на то причины. Затем удостовериться, что и сам Диккенс — втайне, но уверенной рукой — наметил это лицо, снабдил его нужными чертами и достаточными побудительными мотивами. И, наконец, приглядеться, не отводил ли он нарочно внимание от этого лица на протяжении всего романа так, чтобы конечное решение было действительно неожиданным. А воображать, будто Диком Дэчери может оказаться из всех персонажей именно тот, на которого сразу падает подозрение, — значит сводить тайну Диккенса к совершенному ребячеству.

Три момента ясны и не требуют доказательств: Дэчери — это кто-то переодетый и замаскированный; он прибыл в Клойстергэм, чтобы следить за Джаспером; он собирает улики против преступника, которого подозревают, но не могут привлечь к суду.

У Дэчери есть сильный побудительный мотив для преследования Джаспера, хотя что это за мотив — только ли желание отомстить за Эдвина Друда или нечто большее — нам не сказано. Но личная его заинтересованность так очевидна, что искать его надо среди тех, у кого могла быть такая заинтересованность, то есть среди непосредственных участников драмы, которые будут участвовать и в ее продолжении, — это не кто-нибудь со стороны, не какой-нибудь новый персонаж, введенный только для данной цели. Кроме того, это человек, который хотя и подозревает Джаспера, но не имеет доказательств его вины и вынужден их искать. Иначе все его сложные и окольные расследования были бы нелепы и неоправданны. Затем это должен быть кто-то, кто может временами исчезать, и его отсутствие оставаться незамеченным или, по крайней мере, известным лишь узкому кругу лиц, имеющих причины сохранять это в тайне. И разумеется, это должен быть кто-то, кого Джаспер вряд ли узнает в переодетом виде, стало быть, человек, которого он раньше не видал или видал редко и чей даже голос для него непривычен.

Кто же из действующих лиц удовлетворяет этим требованиям?

Некоторых мы можем сразу отвести. Это не может быть Сапси, Дёрдлс, Депутат или Топ, хотя бы уже потому, что в главе XVIII все они встречаются и разговаривают с Дэчери, стало быть, имеют отдельное от него существование. Это не может быть громогласный филантроп Сластигрох, так как он верит в виновность Невила

Грюджиус. набросок Филдса.

Ландлеса и не стал бы добывать улики против Джаспера. Это не может быть Криспаркл, так как тот лишен возможности надолго отлучаться. Это не может быть сам Невил, который безвыездно находится в Лондоне и, кроме того, имеет все основания избегать Джаспера. Другие второстепенные персонажи тоже не подходят, так как не имеют побудительных мотивов. Таким образом, поле сужается, остается весьма ограниченное число лиц.

Может быть, Дэчери — это Баззард?

У мистера Грюджиуса служит конторщиком престранный субъект, по фамилии Баззард, мнящий, что он выше своего хозяина, так как написал трагедию, которой никто не хочет ставить. Этого Баззарда считали иногда возможным кандидатом на роль Дэчери, главным образом потому, что в беседе с Розой после ее бегства из Клойстергэма мистер Грюджиус говорит о нем: «После работы он уходит к себе, а сейчас его вообще здесь нет, он в отпуску». Но Баззард чисто комическая фигура, и мистер Грюджиус хотя и делает вид, будто относится к нему чуть ли не с благоговением за то, что Баззард написал забракованную всеми театрами трагедию, на самом деле все время подшучивает над этим напыщенным и придурковатым братцем миссис Билликин. Возложить на него такую миссию, как выслеживание убийцы с риском для собственной жизни — идея смехотворная. Все законы литературного мастерства этому противятся. Это еще один из столь любимых Диккенсом фарсовых персонажей; Диккенс мог ввести его для «отвода глаз», но не с какой-либо серьезной целью. У Дэчери, несомненно, есть личная причина для ненависти к Джасперу; у Баззарда таких причин нет. Его в лучшем случае могли нанять, но это резко ослабило бы драматизм положения. А если бы мистер Грюджиус и дал ему такое поручение, проявив непростительное для старого юриста легкомыслие, так и то он мог послать его в Клойстергэм лишь после того, как узнал от Розы о вероломстве Джаспера. Меж тем Дэчери

появляется в Клойстергэме еще до этого, — то есть раньше, чем Грюджиус или Баззард убедились в необходимости держать Джаспера под наблюдением. Пышный седой парик — совершенно излишняя и рискованная маскировка, если она не вызвана необходимостью, — Баззарду не нужен. То немного, что мы знаем о его внешности — смешной и неуклюжей, — показывает, что он не мог держаться, как Дэчери; а то немного, что мы знаем о его манере говорить — грубой и заносчивой, показывает, что он не мог разговаривать, как Дэчери. Это эгоист чистой воды, который в конце концов будет осмеян и посрамлен, но он никак не годится для решительных действий, требующих силы духа, самоотречения и мужества. По всем указанным причинам Дэчери — это не Баззард.

Может быть, это Друд?

Допустим на минуту, что версия о гибели Эдвина Друда неверна. Следует ли отсюда, что он вновь появляется в Клойстергэме как Дик Дэчери? Проктор отвечает утвердительно, но упускает из виду, что он был бы немедленно узан Джаспером по фигуре, походке, манерам и голосу. Друд не стал бы рисковать без нужды, поселяясь у Топов, которые так хорошо его знают, — скорее он поискал бы приюта у людей незнакомых; он не решился бы жить в такой близости от Джаспера, который в прошлом имел возможность изучить каждый его жест, а теперь, памятуя о своем преступлении, был бы вдобавок настороже против всякого нового лица как возможного сыщика. Сомнительно также, чтобы Эдвин Друд, такой, каким его изобразил Диккенс, — слабовольный, вспыльчивый, легковверный и несдержанный, — способен был проявить осмотрительность и энергию, необходимую для роли Дэчери. В Дэчери нет ничего мало-мальски напоминающего Эдвина Друда и есть очень много такого, что вызывает представление о совсем другом человеке. Наконец, совершенно невероятно, чтобы человек, зная, кто на него напал и какая опасность грозит из-за этого его близким, согласился скрываться, а не выступил тотчас открыто. Диккенс глубоко понимал человеческую натуру. Поверим, что это понимание и тут ему не изменило, равно как и способность мыслить логически.

Но это еще не все. Диккенс как бы случайно, а на самом деле весьма обдуманно, вводит одно обстоятельство, которое решительно опровергает всякие предположения насчет тождества Друда и Дэчери. В памятный сочельник Эдвин встретился со старухой, курящей опиум. Эта встреча произвела на него сильное впечатление,

так как в старухе он увидел какое-то сходство с Джаспером, каким тот был во время одного из своих припадков. Он дал ей денег, а она предупредила его об опасности, угрожающей «Нэду», — каковым именем его зовет один только Джаспер. Через несколько часов ее предсказание оправдалось. Если Эдвин остался жив, он, без сомнения, это запомнил.

В дальнейшем Дэчери встречается с этой же самой старухой — и он ее не узнает! Он поражен ее рассказом. Для него это полная новость, а ведь для Эдвина это было бы незабываемое личное переживание. То, что для одного новые и ценные сведения, для другого была бы вещь давно известная. По всем указанным причинам Дэчери — это не Эдвин Друд.

Может быть, это Грюджиус?

Это уже гораздо более серьезное предположение. Мистер Грюджиус — опекун Розы, и она поручила ему сообщить Джасперу о разрыве помолвки. Для этого он и является к Джасперу через день или два после исчезновения Эдвина. Разговор между ними весьма примечателен как по тому, что в нем сказано, так и по тому, чего в нем не сказано. «Странные вести я здесь услышал», — таково первое замечание мистера Грюджиуса. Второе имеет целью заставить Джаспера высказаться, действительно ли он верит в виновность Невила Ландлеса. Третье: «Я должен сообщить вам известие, которое вас удивит». Он говорит «холодно и невозмутимо», «с раздражающей медлительностью». Мало-помалу, как бы стремясь ранить как можно глубже, он сообщает Джасперу о разрыве отношений между «исчезнувшим юношей» и Розой. Он видит, как Джаспер падает в обморок при этом известии, и, «сидя на стуле прямой, как палка, с деревянным лицом», наблюдает его возвращение к жизни. Мистер Грюджиус, без сомнения, понимал, что представляет собой Джаспер. Он пользовался полным доверием Розы и Невила. Он один знал о кольце. Впоследствии он следит за тайными передвижениями Джаспера в Лондоне и, не колеблясь, называет его негодяем. Надо думать, у него были к тому основания. У него есть и сильный побудительный мотив для борьбы с Джаспером, как неумолимым врагом Невила и обидчиком Розы. Вероятно, он подозревал его еще и в худших преступлениях. Он юрист и знает, как добывать улики. Во всем этом деле у него есть личная заинтересованность. Диккенс постепенно развертывает его характер, как видно предназначая его для какой-то важной роли. Лондон, его постоянное

местопребывание, находится всего в нескольких часах езды от Клойстергэма. Во время отлучек его профессиональные обязанности может исполнять Баззард. А часть своих личных дел он передал мистеру Тартару. По целому ряду соображений мистер Грюджиус вполне пригоден для роли Дэчери.

И тут же все здание рушится: мистер Грюджиус все-таки не мог быть Диком Дэчери. Два обстоятельства тому препятствуют: его место в развитии действия и его внешность. Недаром Диккенс так четко показал нам и то и другое.

Дэчери появился в Клойстергэме еще раньше, чем мистер Грюджиус услышал от Розы, насколько острым стало положение и насколько необходимо надзирать за всеми действиями Джаспера. Однако, судя по тому, что нам о нем рассказано, он все это время находился в Лондоне; он всегда под рукой, когда нужно с ним посоветоваться. Если бы он исчезал надолго, это создавало бы перерывы в действии; его отсутствие не могло оставаться незамеченным. Кроме того, мистер Грюджиус просто не может замаскироваться — всякая подобная попытка обречена на неудачу. Джаспер немедленно узнал бы столь «Угловатого Человека» в любом обличье.

По внешности и манерам Грюджиус не только не похож на Дэчери, он прямая его противоположность.

Дэчери имеет вид военного — у мистера Грюджиуса «неуклюжая, шаркающая походка». У Дэчери «белоснежная шевелюра, на редкость густая и пышная» (очевидно, большой парик). Грюджиусу не нужен парик необычных размеров, так как его голову украшает лишь «скудная поросль» «прилизанных» волос. А ведь всякая маскировка, привлекающая внимание, нелепа и даже вредна, — если она не вызвана необходимостью. Далее: Грюджиус «очень близорук». Из всего, что делает Дэчери — наблюдает издали за людьми, мгновенно замечает всякую мелочь, — ясно, что зрение у него превосходное. У мистера Грюджиуса медлительная, запинаясь речью; Дэчери за словом в карман не лезет, он говорит и держится так, что его можно принять за дипломата. Грюджиус — «долговязый и нескладный», «с чересчур длинными ступнями и пятками»; Дэчери изящен; он расшаркивается перед мэром — действие, требующее грации и свободы движений; создается впечатление, что он «привык общаться с лицами высокого ранга». Грюджиус, по собственному признанию, «чрезвычайно угловатый

человек»; Дэчери весь учтивость и вылощенность, он безупречно владеет собой. Грюджиус говорит отрывисто, словно отвечая вытверженный урок; Дэчери — приятный собеседник с плавной и живой речью; Грюджиус — человек с резко выраженной индивидуальностью, его «чужаковатость» везде выпирает; Дэчери легко меняет свои повадки — он умеет подладиться к любому обществу.

О внешности Дэчери мы мало что знаем; было бы трудно нарисовать его портрет; и отметим кстати — это существенно, — что среди первоначальных иллюстраций, просмотренных самим Диккенсом, нет ни одной, изображающей этого таинственного незнакомца. Но одна его черта указана — и даже с нажимом. Хотя у Дэчери седые волосы (свои или парик — в данном случае не важно), брови у него черные. Это всячески подчеркнуто. «Седовласый мужчина с черными бровями» — так его нам рекомендуют с самого начала. Цвет бровей, очевидно, естественный по двум причинам: во-первых, если бы он их красил, то уж, наверно, постарался бы подогнать к цвету волос, а во-вторых, крашенные брови легко распознать. Черные брови говорят о том, что и волосы у него черные или по крайней мере темные. Но у мистера Грюджиуса волосы «грязно-желтые», как облезлая меховая шапка. Да и сам он весь сухой и тусклый, по окраске похожий на «горсть пересушенного нюхательного табака». Сейчас на этом больше незачем останавливаться. Достаточно, что все конкретные факты, связанные с мистером Грюджиусом, свидетельствуют о невозможности его преобразования в Дэчери.

Мы считали нужным так подробно рассмотреть эту последнюю гипотезу и доказать ее несостоятельность, чтобы очистить поле для единственного остающегося решения, которое, как мы смеем думать, одно только может выдержать любую проверку и удовлетворить всем требованиям.

Глава V Дэчери путем исключения

Так кто же этот незнакомец, появившийся в Клойстергэме?

Продолжая наше расследование, будем исходить из мысли, что технически этот роман совершенен, план его хорошо разработан, все детали, даже самые мелкие, точно подобраны. Не станем ожидать в нем промахов и объяснять что-либо недосмотром. Если заранее допускать авторские ошибки, лучше уж сразу отказаться от

исследования. Увлечение, с каким Диккенс работал над этим романом до последней минуты, позволяет думать, что сам он не находил в нем недостатков.

Его дочь рассказывает, что утром 8 июня он был в прекрасном настроении, говорил, что намерен весь день работать над этой книгой, которая «горячо его интересует». Первую половину дня он работал в «шале», а когда пришел домой к раннему обеду, то был молчалив и рассеян, что домашние приписали его поглощенности своим занятием. Джон Форстер тоже подтверждает, что Диккенс чем дальше, тем все сильнее увлекался работой над этим романом, очевидно, считая его удачным и стоящим труда. В октябре он «с большим воодушевлением» читал Форстеру первый выпуск; в декабре читал вслух только что написанную новую главу — ту, где появляется мистер Сластигрох, — «с бьющим через край юмором». По всему видно, что Диккенс был доволен своей книгой и уверен в том, что успешно осуществил поставленную в ней задачу.

Мы установили, кем Дэчери не был — кем он не мог быть. Попробуем, пользуясь тем же методом, установить, кем он был — кем он не мог не быть. Диккенс вовсе не собирался сделать разгадку легкой, но, с другой стороны, как только мы вступаем на правильный путь, это становится заметно. Идя по ложному следу, мы приходим к путаной, неправдоподобной и вялой развязке. Когда мы нащупываем правильную путеводную нить, она приводит нас к убедительному и драматически сильному финалу.

Допустим, что среди персонажей романа есть один, который до сих пор оставался несколько в тени, но тем не менее представляет собой яркую фигуру; который сам редко говорит, но о котором говорят много; который питает инстинктивную и острую неприязнь к Джасперу, но его не боится; у которого есть все основания подозревать Джаспера, но нет сколько-нибудь конкретных улик; которому очень важно его обвинить, чтобы оградить других от его последующих обвинений; который готов на любые жертвы, чтобы спасти Розу и Невилу от его козней; который обладает огромной силой воли; который может исчезать так, что его отсутствие не будет замечено; который привык к переодеваниям и умеет играть роль. Допустим, мы найдем такой персонаж — разве это не будет значить, что мы нашли самого Дэчери и разглядели подлинное лицо под маской?

А такой персонаж есть — и он действительно удовлетворяет всем

требованиям. Поставим его на место Дэчери — и все получает объяснение, и замысел автора увенчивается ярким и драматическим финалом.

Для того чтобы это понять, нужно не только подобрать все намеки, разбросанные по пути самим Диккенсом, но еще и рассмотреть хорошенько то, что он искусно скрыл или раскрыл лишь наполовину.

Будем двигаться от конца к началу — начнем с большого парика на голове Дэчери, с его развевающихся седых кудрей и с того странного обстоятельства, что он вечно забывает надеть шляпу или же избегает ее носить. Многие уже отмечали, что бросающаяся в глаза маскировка нелепа — если она не вызвана необходимостью. Большой парик — «седая шевелюра, на редкость густая и пышная» — необходим и неизбежен, если под ним скрыта голова женщины. Тогда длинные кудри полезная предосторожность — на случай, если какая-нибудь непокорная прядь выбьется из-под парика. И естественно, что женщине неприятно надевать шляпу — тем более мужскую — поверх парика, да еще когда под ним упрятаны собственные локоны. Это вдвойне неприятно в жаркую погоду — а мы знаем, что Дэчери появляется в Клойстергэме летом. И втройне неприятно для тех, кто привык к свободным обычаям тропического климата. Женщина может чувствовать себя уверенно в мужском костюме, но у нее всегда останется сомнение, способна ли она с должной непринужденностью носить мужскую шляпу. Тем более когда к этому добавляется еще большой парик! А ведь Дэчери осмотрительный человек, взявшийся за очень важное дело. Так могли он с самого начала проявить легкомыслие и поставить под угрозу все свое предприятие из-за неряшливости в какой-нибудь — хотя бы и мелкой — детали? Даже когда шляпа при нем, он не знает, что с ней делать, и зажимает ее по-женски под мышкой, вместо того чтобы держать по-мужски в руке. А когда ему о ней напомнили, он «машинально» поднял руку к голове, словно думал найти там другую шляпу». Вполне естественный жест, если парик прикрывает женские локоны, да еще, может быть, очень густые. Как раз то ощущение, которое может возникнуть при таких обстоятельствах у женщины, привыкшей не к жесткой мужской шляпе, а к мягкой женской. Далее: у Дэчери есть привычка «встряхивать волосами». Какой мужчина это делает? И какая женщина этого не делает? Что Дэчери — женщина, это столь же очевидно, как если бы автор сам нам это сказал.

У седовласого Дэчери черные брови. Парик может скрыть естественный цвет волос и так изменить внешность, что введет в заблуждение окружающих, но всякая попытка изменить цвет бровей неизбежно обнаружится при близком рассмотрении. Дэчери не мог пойти на такой риск. Он не актер, которого видят только издали, на сцене, он ходит среди людей, его могут разглядеть вблизи. Стало быть, надо искать женщину с темными бровями, по всем вероятностям смуглую брюнетку. Какой у Дэчери цвет кожи — не сказано, но ясно одно: если снять с него парик, под ним окажутся темные волосы.

Теперь разберем другие его характерные черты. Дэчери обладает редкой выдержкой, это смелый, решительный, уверенный в себе человек, хотя и прикидывается «старым лентяем, праздно живущим на свои средства». Он прямо идет к человеку, подозреваемому в зверском убийстве, и встречается с ним лицом к лицу. Он не боится себя выдать, не думает об опасности. Весь его план так хорошо подготовлен, все его действия так обдуманы, как будто ему уже не в новинку играть роль. Он непринужденно разговаривает с Джаспером, он точно знает, как вести себя с тупоголовым и падким на лесть мистером Сапси, он для всякого находит нужный тон и не испытывает никаких колебаний. Он и с ворчуном Дёрдлсом умеет обойтись, и с бродяжкой Депутатом держаться по-товарищески. Женщина, которую мы ищем, должна обладать всеми потребными для этого качествами.

Дэчери похож на военного, ловок в обращении, у него изящные манеры, свободная походка. Женщина, которую мы ищем, должна быть статной, вероятно, красивой, живой, смышленной, увлеченной своим делом, но способной на большое самообладание и терпеливой. Злопамятной она может быть и страстной, но порывистость ей чужда, и цель ее скорее справедливость, чем просто месть.

Дэчери хорошо знает Клойстергэм — его усиленные старания показать обратное это подтверждают. Ему необходимо, чтобы все видели в нем чужака и чтобы Джаспер, в особенности, не заподозрил в нем какого-либо знакомства с делом Эдвина Друда. Как бы он ни был убежден в виновности Джаспера, ему еще предстоит добывать улики; если бы не это, он мог бы действовать быстро. Но единственный открытый для него путь — это медленно, осторожно, тайно наблюдать за преступником, напасть на след и пройти по нему до конца, остерегаясь малейших промахов. Такое дело человек может

взять на себя, только если у него есть сильные личные побуждения, перевешивающие мысль об опасности — например, желание спасти тех, кто в свою очередь могут стать жертвами убийцы. А жертвы эти в данном случае — Невил Ландлес, на которого воздвигнуто несправедливое обвинение, угрожающее его жизни; и Роза, которая подвергается безжалостному преследованию, угрожающему ее счастью. Очевидно, Дэчери — это кто-то тесно связанный с ними обоими, кому они дороги, кто не пожалеет себя ради их спасения.

Есть ли в романе женщина, к которой подходят все эти характеристики? Высокая, темноволосая, красивая, с живым умом, с безупречным самообладанием, с решительным и бесстрашным нравом? Женщина, которая ненавидит Джаспера и любит Невила и Розу? У которой хватит терпения и мужества, чтобы тягаться с умным преступником, полным коварства и злобы? Женщина, умеющая играть роль и уже знакомая со всеми хитростями переодевания? Женщина, у которой есть достаточные побудительные мотивы для желания разоблачить подозреваемого злодея, оправдать невинных, спасти преследуемых? Которая готова пожертвовать собственной жизнью во имя чести одного и счастья другой? Да, такая женщина в романе есть; автор наметил ее с самого начала и последовательно проводит эту линию до конца.

Ее образ всегда перед нами, хотя сама она редко появляется на сцене. Ее немногие слова всегда звучат в наших ушах, хотя сама она говорит редко. Умелый драматург подготавливает нас к появлению главного героя, заставляя других говорить о нем и этим возбуждать ожидания. Точно так же поступает и Диккенс: и пока эта женщина, предназначенная для главных действий, медлит на заднем плане, другие описывают ее так, что у читателя не остается сомнений в ее способности выполнить то, для чего она избрана автором.

Высокая, красивая, цыганского типа девушка с массой кудрявых волос и темными глазами — так ее нам неоднократно описывают. Девушка с горячей кровью, но безупречно владеющая собой. Девушка властная и гордая. «На редкость красивая стройная девушка, почти цыганского типа, черноволосая, со смуглым румянцем; чуть-чуть с дичинкой, какая-то не ручная; сказать бы, охотница — но нет, скорее, это ее преследуют, а не она ведет ловлю. Тонкая, гибкая, быстрая в движениях; застенчивая, но не смиренная; с горячим взглядом; и есть что-то в ее лице, в ее позах, в ее сдержанности, что напоминает пантеру, притаившуюся перед

прыжком» (глава V). Вот первый набросок. «Застенчивая, но не смиренная» — истинная женщина, пока с ней мягки, но отважная и неукротимая, если ее раздражить. У нее несчастливая юность. В детстве с ней поступали жестоко, отчим бил ее хлыстом как собаку, и все же она «скорее дала бы разорвать себя на куски, чем обронила перед ним хоть одну слезинку». Этой женщине Роза, под первым впечатлением от нее, говорит: «Вы такая сильная и решительная, вы можете одним пальцем меня смять. Я ничто рядом с вами». И пока они разговаривают, эта женщина обращает на Розу «властный, испытующий» взгляд.

Многое свидетельствует о ее необычайных духовных силах. Она легко учится сама и учит других, она оказывает на людей влияние. Ее привязанность к Розе глубока и постоянна. Таково же ее отвращение к Джасперу, чей истинный характер она прозрела с первого взгляда. Она готова пойти против всего и всех, чтобы вызволить Розу из его когтей. Она видит, что нежная беспомощная сиротка боится этого человека и его зловещих повадок. «При таких же обстоятельствах, пожалуй, и вы бы его испугались?» — говорят ей. «Нет. Ни при каких обстоятельствах», — с ударением отвечает она. А после того как Джаспер, уверенный в своей безопасности, стал домогаться Розы, эта женщина выразила силу своих чувств в следующих словах: «Ты знаешь, милочка, как я тебя люблю, но я скорее согласилась бы увидеть тебя мертвой у его ног...»

Но еще до всего этого, еще гораздо раньше, Диккенс уже подал нам знак, уже намекнул, для какой роли предназначена эта женщина. В тот вечер, когда Роза пела, а Джаспер одним своим присутствием и своими взглядами довел ее до обморока, напуганная девушка ищет защиты у своей новой подруги — и вот что об этом сказано: «Яркое смуглое лицо склонилось над прижавшейся к коленям подруги светлой головкой, густые черные кудри, как хранительный покров, ниспали на полудетские руки и плечики. В черных глазах зажглись странные отблески — как бы дремлющее до поры пламя, сейчас смягченное состраданием и нежностью. Пусть побережется тот, кого это ближе всех касается!»

Это не только ясный сигнал само по себе, это еще напоминает нам о присущей Диккенсу творческой манере — заранее, иногда очень задолго, предсказывать подготавливаемую им развязку. Всякий, кто штудировал его книги, без сомнения, замечал, как у него в момент кульминации вдруг вновь всплывает какая-нибудь ранее сказанная

фраза, неоднократно повторявшийся жест, характерная черточка. Стирфорт спит, закинув руку за голову, — в этой же позе он лежит, когда его находят мертвым. Мистер Честер умирает с той же насильственной улыбкой на лице, под которой он при жизни скрывал свою жестокость. Орудия судьбы тоже отмечены заранее. Мы наперед знаем, каким образом кара настигнет Джонаса Чеззлвита, что приведет Сайкса к гибели, как Ральфа Никльби заманят в ловушку, кто уготовит Веггу его позорный конец. Диккенс любил в нужный момент выпускать на сцену некоего «носителя рока». Началось это еще с безвестного Брукера в «Николасе Никльби», но самый яркий пример — это Неджет в «Мартине Чеззлвите». К той же категории принадлежат Компейсон в «Больших надеждах», мисс Маучер, благодаря которой совершается арест Литтимера, Риго в «Крошке Доррит» и Бицер в «Тяжелых временах». Можно назвать еще и других. Сами они могут быть хороши или плохи, симпатичны или отвратительны, но все они предназначены на роль Немезиды в тех драмах, в которых участвуют, и они выполняют возложенную на них миссию. Наилучшую иллюстрацию этого диккенсовского приема — заранее в скрытой форме предрекать развязку — мы видим в «Повести о двух городах», в том месте, где Сидней Картон говорит Люси Манетт: «О мисс Манетт, когда в личике малютки, прижавшемся к вам, вы будете находить черты счастливого отца, когда в невинном создании, играющем у ваших ног, вы увидите отражение собственной светлой красоты, вспоминайте иногда, что есть на свете человек, который с радостью отдал бы жизнь, чтобы спасти дорогое вам существо». Это полная аналогия с тем, что сделано в «Эдвине Друде»: если Сидней Картон явно намечен для своей решающей роли, то женщина, о которой идет речь, столь же явно намечена для своей: «Пусть побережется тот, кого это ближе всех касается!»

В самом стиле Диккенса, в его творческом методе находим мы опору, когда утверждаем, что вершительница возмездия в трагедии Эдвина Друда с первых же глав предуказана автором. В критический момент она выступит из безвестности, в которой пока пребывает. Ее внешний облик мы установили — это черноволосая женщина с темными глазами, статная, красивая, обходительная. Ее сила воли нам известна. Ее побудительные мотивы понятны. А теперь мы имеем еще и прямое указание автора.

Имя этой мстительницы — Елена Ландлес.

Глава VI Доказательства

«Интерес будет непрерывно возрастать с самых первых строчек», — уверял Диккенс Джона Форстера. Теперь, когда мы назвали Елену Ландлес как единственно возможного кандидата на роль Дэчери, мы обязаны показать, что это предположение согласуется со всем, что нам открыл из своего замысла автор, что оно лучше всех других разъясняет загадочные места и приводит роман к наиболее правдоподобному окончанию.

Елена — сестра человека, заподозренного в убийстве. Тень, которая легла на него, омрачает и ее собственную жизнь. Можно ожидать, что первой ее заботой будет изжить общее недоброжелательство и рассеять сомнения. Это самое она и делает, и делает успешно, несмотря на все трудности. Когда Невил уехал в Лондон, она осталась в Клойстергэме. И вот какие черты ее характера выделяет мистер Криспаркл, говоря об этих днях с Невилом:

«Ваша сестра научилась властвовать над своей гордостью. Она не утрачивает этой власти даже тогда, когда терпит оскорбления за свое сочувствие к вам. Без сомнения, она тоже глубоко страдала на этих улицах, где страдали вы. Тень, падающая на вас, омрачает и ее жизнь. Но она победила свою гордость, не позволила ей стать надменностью или вызовом, и ее гордость переродилась в спокойствие, в незыблемую уверенность в вашей правоте и в конечном торжестве истины. И что же? — теперь она проходит по этим самым улицам, окруженная всеобщим уважением. Каждый день и каждый час после исчезновения Эдвина Друда она бестрепетно, лицом к лицу, встречала людскую злобу и тупость — ради вас — как гордый человек, знающий свою цель. И так будет с ней до конца. Иная гордость, более хилая, пожалуй, сломилась бы, не выстояла, но не такая гордость, как у вашей сестры, — гордость, которая ничего не страшится и не делает человека своим рабом... Она истинно мужественная женщина». Эта высокая похвала служит еще лишним указанием на значительность роли, которую предстоит сыграть Елене, а также объясняет, почему эта роль на нее возложена.

Между братом и сестрой существует полное взаимное понимание. Даже без слов они знают, что каждый думает и как он поступит. Психологически они едины, хотя и имеют раздельное существование. Елена сильнее Невила и подчиняет его себе — вот вся разница между ними. У них нет тайн друг от друга, их склонности одинаковы.

Чего хочет один, того хочет и другой, что один замыслил, то другой спешит воплотить в действие. Горе Невила становится горем Елены, надежды Невила — ее собственными надеждами. Что он хотел бы сделать, то она делает.

«Вы не знаете, сэр, — говорит Невил, — как хорошо мы с сестрой понимаем друг друга — для этого нам не нужно слов, довольно взгляда, а может быть, и того не надо. Она не только испытывает к вам именно те чувства, какие я описал, она уже знает, что сейчас я говорю с вами об этом» (глава VII). И когда, непосредственно вслед за этим разговором, брат и сестра встречаются, мистер Криспаркл видит наглядное подтверждение их внутренней близости: «в быстром ее взгляде, обращенном к брату, сверкнуло то мгновенное и глубокое понимание, о котором только что говорил Невил».

А еще раньше, описывая их взаимоотношения, Невил произносит фразу, в которой тоже заключено скрытое пророчество: «Когда я буду говорить о своих недостатках, сэр, пожалуйста, не думайте, что это относится и к моей сестре. Сквозь все испытания нашей несчастной жизни она прошла нетронутой, она настолько же лучше меня, насколько соборная башня выше вон тех труб!» Какую бы роль ему ни предстояло выполнить, роль его сестры будет более значительной: грядущие события уже отбрасывают на них свою тень.

Эта общность чувств и стремлений брата и сестры многое объясняет. Становится, например, понятным один эпизод из их прошлой жизни, который надо рассматривать как уменьшенное изображение того, что произойдет в дальнейшем.

«Никака я жестокость не могла заставить ее покориться, хотя меня частенько смиряла, — говорит Невил мистеру Криспарклу. — Когда мы убегали из дому (а мы за шесть лет убегали четыре раза, только нас опять ловили и жестоко наказывали), — всегда она составляла план бегства и была вожаком. *Всякий раз она переодевалась мальчиком и выказывала отвагу взрослого мужчины.* В первый раз мы удрали, кажется, лет семи».

Из всех сигналов, какие автор зажигает перед нами, это самый яркий. Это заблаговременное объяснение всего, что может произойти. Это грубая наброска дальнейшего развития событий. Это миниатюрная картинка, которая потом будет расширена и усложнена. Девочка в семь лет составляла план бегства, переодевалась мальчиком, выказывала отвагу взрослого мужчины. Так уж, наверно, в двадцать лет, движимая сильнейшим побудительным

мотивом, она захочет и сумеет снова проявить отвагу взрослого мужчины. А для Дэчери, отслеживающего каждый шаг Джаспера, нужна поистине неукротимая отвага.

Достигнув желаемого в Клойстергэме и сделав, таким образом, в своем лице все, что можно, для брата, она уезжает в Лондон. С этой минуты над ней как бы опускается занавес. Нам внушают, что она в Лондоне, но это ниоткуда не видно. Поехать она поехала, но осталась ли там? Если она временами исчезала, Невил, с которым у нее такое глубокое взаимопонимание и такая общность чувств, конечно, сберег ее тайну. Это естественно для него, и такую линию он бы и вел. Кроме него, один только мистер Грюджиус знал о ее действиях; что он был в курсе всего происходящего, видно из многих мест в книге. Да и сама логика вещей требует, чтобы Грюджиус и Елена действовали совместно. Он следил за Джаспером в Лондоне, видимо, знал, когда его можно там ожидать, и считал чрезвычайно важным не выпускать его из глаз. Тем более важно было следить за ним в Клойстергэме, и непохоже, чтобы Грюджиус, опытный юрист, этого не понимал. Джаспер большую часть времени проводил в Клойстергэме, его наезды в Лондон могли быть лишь кратковременны и случайны, и, конечно, Грюджиус не удовлетворился бы до тех пор, пока наблюдение не было бы установлено и тут и там. Мистер Грюджиус знал, что делает Елена, он находился в постоянном контакте с ней, на это есть множество указаний. Ей даже трудно было бы скрыть от него свои передвижения из-за соседства их квартир, но и помимо этого по многим причинам им было выгодно довериться друг другу и действовать заодно. В случае надобности Елену можно было вытребовать в Лондон — дорога заняла бы лишь несколько часов, — и это, вероятно, было одним из соображений, по которым она не остригла волосы (как делала ребенком), а прибегла к помощи парика. Впрочем, надо полагать, тут действовало еще и другое соображение: красивой девушке, влюбленной в каноника Криспаркла, не хотелось обезобразивать себя, пока можно было обойтись иными средствами. В главе XX Диккенс вводит одну подробность — мелкую, но, как всегда у него, нагруженную значением, — с помощью которой он намекает на наличие связи между Грюджиусом и Еленой Ландлес.

Когда Роза бежала в Лондон после дерзких признаний и темных угроз Джаспера, мистер Грюджиус в тот же вечер показывает ей из

своего окна, где живут Невил и Елена. «Можно мне завтра пойти к Елене?» — спрашивает Роза. Нет, собственно, никаких причин, почему бы ей нельзя было пойти. До их квартиры два шага; Розу и Елену связывает нежная дружба: никакой опасности в их свидании нет, а выгода от него очевидная. И тем не менее эта невинная просьба вызывает у мистера Грюджиуса странную реакцию: «На этот вопрос, — говорит он неуверенно, — я вам лучше отвечу завтра». По ходу действия совершенно безразлично, будет ли дан ответ сегодня или завтра. Но если автор хотел подать нам какой-то скрытый намек, то и эта отсрочка и сугубая осторожность мистера Грюджиуса — очень ловкий прием. Почему, в самом деле, мистер Грюджиус откладывает свой ответ? Объяснение может быть только одно: мы по этому пустячку должны догадаться о весьма важном факте: Елены сейчас нет в Лондоне. Но на другой день она вернулась — и мистер Грюджиус немедленно признает необходимым, «чтобы мисс Елена узнала из уст мисс Розы о том, что произошло и чем ей угрожают». Удивительная перемена взглядов всего за какие-нибудь двенадцать часов!

Но Диккенс все время боится выдать свой секрет, сказать слишком много; поэтому, роняя подобные намеки, он тут же снабжает их «объяснениями». На сей раз объяснение таково: Грюджиус, видите ли, колеблется потому, что Джаспер шпионит за Невилом и Еленой. Но ведь это соображение не могло отпасть за ночь — оно одинаково весома что наутро, что накануне вечером. Реально тут только желание Грюджиуса, чтобы Елена все узнала, — и это лишний раз подтверждает, что они работают сообща. Поведение Елены в этом эпизоде тоже не мешает рассмотреть повнимательнее. Она мгновенно придумывает, как расстроить планы Джаспера, и только осведомляется, что лучше — «подождать еще каких-нибудь враждебных действий против Невила со стороны этого негодяя — или постараться опередить его?» Иными словами, она вполне готова действовать — не начать борьбу, а даже закончить ее, если нужно. На минуту Диккенс показывает ее нам в этом качестве, а затем убирает ее со сцены. После этого знаменательного разговора Елена исчезает со страниц романа. Зато Дэчери вновь появляется в Клойстергэме!

Теперь пересмотрим сызнова все особенные черточки Дэчери, ибо в них заключены кое-какие косвенные указания, которые

Диккенс сообщает как бы мельком, предоставляя нам либо принять их в расчет, либо отбросить — по желанию *.

Манера Дэчери встряхивать волосами и носить шляпу под мышкой уже дала нам первый ключ к его опознанию. «Я зайду к миссис Топ», — с живостью говорит он, когда ищет квартиру, хотя его направляли к мистеру Топу: женщина, естественно, предпочитает вести переговоры с хозяйкой, а не с хозяином. А когда Дэчери ночью возвращается домой и видит горящий в окне у Джаспера красный свет, его «задумчивый взгляд обращается к этому маяку и сквозь него еще куда-то дальше». Почему «задумчивый» и что лежит там «дальше»? Надежды Дэчери не сводятся лишь к успешному обвинению преступника. Есть для него еще «далекая гавань, которой ему, может быть, не суждено достигнуть», к которой он может приблизиться лишь «после опасного плавания». Любовь! Любовь, граничащая с обожанием, — к этой любви невольно обращается задумчивый взор одинокой женщины сквозь «остерегающий огонь», которым намечен ее нынешний опасный путь.

Курящая опиум старуха во второй свой приезд к Клойстергэм случайно встретила с Дэчери. Когда она упомянула имя Эдвина Друда, Дэчери «покраснел» — «от усилий», — поясняет Диккенс. Сообщить один голый факт, без комментариев, он не решается. Чуть приоткрыв путь, ведущий к разгадке, он спешит его замести.

На этой обманчивой книге следовало бы надписать: «Берегись объяснений!» Всякий раз, как Диккенс начинает что-то объяснять, он делает это не для того, чтобы помочь читателю, а чтобы увести его в сторону. Он говорит, что Джаспер носит шелковый шарф — «длинный черный шарф из крепкого крученого шелка, обмотанный вокруг шеи» — и тут же поясняет: это потому, что горло у него не совсем в порядке — запоздалое объяснение и неверное! Так

* По этому поводу можно выдвинуть возражение, что ни одна женщина не заказала бы для себя той еды, из которой состоят описанные в романе трапезы Дэчери: «Жареная камбала, телячья котлетка и пинта хереса» в «Епископском Посохе» и «хлеб с сыром, салат и эль» у миссис Топ. Но это возражение отпадает, если вспомнить, что, во-первых, привычки в пище с тех пор сильно изменились, а во-вторых, Елене Ландлес, если она скрывалась под маской Дэчери, пришлось бы приспособливаться к взятой на себя роли. Спросить чашку чаю значило бы сразу обнаружить свое женское естество: к тому же херес был в те времена самым дешевым и общеупотребительным напитком. Что же касается эля, то его пили даже школьники, как оно и описано во многих случаях у Диккенса, и то, что мог пить маленький Дэвид Копперфилд, — конечно, не повредило бы здоровью молодой женщины.

и в эпизоде со старухой: когда Диккенс объясняет, что Дэчери покраснел «от усилий» — вот уж действительно грандиозное усилие — поднять с земли монетку! — он просто старается сбить нас со следа и уверить нас, что никакой другой причины не могло быть — такой, например, как волнение при неожиданном известии.

Свое расследование Дэчери ведет именно так, как вела бы его Елена, предпочтительно перед всеми другими персонажами. Когда Сапси заговаривает о необъяснимом исчезновении Эдвина Друда, Дэчери тотчас задает вопрос: «Есть ли серьезные подозрения против кого-нибудь?» Он хочет знать все, что касается Невилы Ландлеса, это его больше всего интересует. Едва познакомившись с Дёрдлсом, он спрашивает: «Вы, надеюсь, позволите любопытному чужестранцу как-нибудь вечером зайти к вам, мистер Дёрдлс, и поглядеть на ваши произведения?» — и, получив утвердительный ответ, говорит: «Непременно зайду», и тут же уславливается с Депутатом, что тот его проводит. Цель его — выяснить, не знает ли Дёрдлс чего-нибудь; кроме того, женщина инстинктивно стремится обеспечить себе присутствие третьего лица. Дёрдлс, без сомнения, окажется каким-то звеном в цепи улик, хотя ему самому это пока неизвестно. Все его поведение показывает, что он не догадывается о важности того, что знает. Скрывать свою тайну он не будет — ему и невдомек, что он владеет какой-то тайной. Но весьма вероятно, что в роковой сочельник он опять слышал жалобный крик и опять счел его «призраком крика» и связал его со своим прошлогодним сном. Такого рода совпадения были одним из любимых приемов Диккенса. Также весьма вероятно, что безобразный мальчишка, поджидая Дёрдлса, по неизменному своему обыкновению, видел в ту ночь своего заклятого врага, Джаспера, и только не понял, какое это имеет отношение к тайне Эдвина Друда. Задача Елены — связать воедино все эти мелкие факты и накопить достаточно улик, что даст ей возможность обвинить Джаспера и спасти Невилу и Розу.

К тому моменту, когда роман обрывается, то есть к его середине, она уже успела кое-что сделать, как показывают меловые черточки. Почему она прибегла к этому громоздкому способу записи? Если под видом Дэчери скрывалась женщина, она, конечно, ничего не могла писать от руки. Ее тотчас узнали бы по почерку *. Для записей, если

* В ту эпоху девочек обучали писать итальянским «заостренным» шрифтом с росчерками; мальчиков учили «круглому» шрифту. Разница между тем и другим очень заметная, и пол писавшего легко было определить.

они были нужны, ей пришлось бы придумать какой-нибудь другой, не столь изобличающий способ. Меловые черточки на дверце буфета вполне удовлетворяли этому требованию. Может быть, Диккенс, вводя их, преследовал еще и какую-то другую цель, но этого мы не знаем и рассуждать об этом бесполезно. Достаточно того, что для женщины в роли Дэчери они были безопасны и позволяли одним взглядом обозреть, насколько подвигается вперед расследование. К тому дню, до которого доведено повествование, Дэчери сделал три записи. Расшифровать их можно следующим образом:

1. «Очень маленький счет» из нескольких неровных черточек, записанный Диком Дэчери до его встречи со старухой. Ничего существенного пока не добыто — Дэчери проделал лишь подготовительную часть работы: познакомился в новом своем обличье с Джаспером, Сапси, Дёрдлсом и Депутатом.

2. «Средней величины» черточка, которую он нанес после встречи со старухой. Эта встреча позволяла о многом догадываться, но дала так мало определенного и прямо идущего к делу, что Дэчери отметил ее лишь «не очень большой» черточкой.

3. «Толстая длинная черта от самого верха дверцы до самого низа», которую Дэчери наносит после того, как видел старуху в соборе. Дэчери установил, что старуха по каким-то причинам враждебна Джасперу, что она настойчиво его преследует, что «Нэд», которому, по ее словам, «угрожает опасность», как-то связан в ее представлении с Джаспером как носителем этой угрозы, то есть его потенциальным убийцей. Сразу столько важных сведений! Естественно, понадобилась «толстая» черта.

Но меня могут спросить: а как насчет голоса Елены? Разве Джаспер не узнал бы ее по голосу? Тут мы видим блестящий пример того, как Диккенс, предвидя опасность, заранее старается ее парировать. Во-первых, он несколько раз подчеркивает, что у Елены «низкий й грудной голос», то есть такой, который, исходя от мужчины, не вызовет тотчас подозрения, что говорит женщина. Но ведь у Джаспера особо чувствительный слух, что уже было показано нам на эпизоде с ключами. «Низкий грудной голос», если он был знаком Джасперу, неизбежно пробудит в нем воспоминания. И тут обнаруживается очень любопытное обстоятельство. Как явствует из рассказа, Елена и Джаспер до сих пор только один раз встречались лицом к лицу (в главе VII) и, что особенно важно, не обменялись при этом ни единым словом. Она стояла, обняв Розу за талию,

и смотрела на Джаспера, сидевшего за пианино. Когда Роза упала в обморок и Елена ее подхватила, Джаспер остался сидеть на том же месте. Затем Эдвин Друд говорит Елене: «При таких же обстоятельствах, пожалуй, и вы бы его испугались?» — и Елена отвечает: «Нет. Ни при каких обстоятельствах» — многозначительный ответ, который должен послужить сигналом читателю и предостережением Джасперу. Джаспер это слышит, хотя слова обращены и не к нему, и вскоре после того уходит.

Эта единственная фраза, произнесенная Еленой в его присутствии, застрянет у него в ушах и в решительный момент всплывет в его памяти. Но едва ли четыре слова, сказанные в сторону, могли так уж хорошо ознакомить его с голосом Елены, и к тому времени, когда появляется Дэчери, если не самые слова, то звучание их, вероятно, уже забылось. Таким образом, на вопрос о голосе Елены сам автор дал ясный и исчерпывающий ответ. Но представим себе, что Дэчери это не Елена, а, скажем, Друд или Грюджиус? Они тотчас выдали бы себя в разговоре. Голос, в противоположность лицу, нельзя изменить надолго, и тот факт, что голос «старого холостяка» не был узнан человеком с натренированным музыкальным слухом, позволяет нам твердо сказать, кем Дэчери не мог быть.

Итак, доказательства в пользу нашей теории попутно оказываются разрушительными для всех прочих теорий. Остается посмотреть, действительно ли роман, с Еленой Ландлес в роли Немезиды, увенчается неожиданным и драматически ярким финалом.

Глава VII Третья тайна: старуха, курящая опиум

Придется немного отвлечься в сторону, чтобы разобрать один вопрос, которого мы до сих пор не касались.

Первые две тайны, как теперь выяснилось, тесно переплетены, и нельзя распутать нити одной, не задев при этом нитей другой. Третья тайна, хотя и не совсем от них обособленная, решается независимо; она, во всяком случае, не имеет отношения к судьбе Эдвина Друда и к личности Дэчери. Отличается она еще и тем, что Диккенс не дал к ней никакого ключа, так что тут мы можем только гадать. Можно сказать одно: Диккенс, этот взыскательный художник, так заботившийся о том, чтобы все до единой детали служили развитию действия, не стал бы так подробно описывать этот

персонаж, если не собирался дать ему какую-то роль в развязке и включить его в число тех неожиданностей, которые уготованы читателю в конце. Все приводит нас к мысли, что, независимо от того, что делают другие для обвинения Джаспера, старуха тоже окажет влияние на его судьбу. Интрига в романе, как ее задумал Диккенс, вероятно, лишь тогда примет законченный вид, когда мы отведем старухе надлежащее место, узнаем, кто она, и поймем, по каким побуждениям она совершает свои странные поступки. И хотя авторских указаний тут никаких нет, все же, зная приемы Диккенса и внимательно проследив общее направление действия, мы решаемся высказать кое-какие предположения.

Об этой женщине нам известно следующее: Джаспер посещал ее притон в Лондоне; она пыталась узнать, кто он такой, и проследила его до Клойстергэма; там она встретила с Друдом и предупредила его об опасности, которая, по ее смутным догадкам, угрожала «Нэду», — надо думать, Джаспер что-то об этом выболтал, пока спал, накурившись опиума; она опять, уже после исчезновения Эдвина Друда, отправилась в Клойстергэм следом за Джаспером, полная решимости «не упускать его на этот раз», — в его сонных признаниях при втором посещении притона она уловила какие-то намеки на страшную участь его «товарища по путешествию», и это, видимо, удвоило ее рвение; в этот второй приезд она встретила с Дэчери; судя по ее жестикуляции в соборе, где она подглядывала за Джаспером, она питает к нему неукротимую ненависть; в последнем разговоре с Дэчери она заявила, что знает Джаспера лучше, «чем все эти преподобия вместе взятые».

Все ее поведение — упорная слежка за Джаспером, попытки выманить у него уличающие признания, жадное внимание, с каким она слушает его сумбурные речи, — все говорит о преднамеренности и о сильных внутренних побуждениях.

Эта старуха взята Диккенсом из жизни.

Форстер передает рассказ Филдса о том, как однажды они с Диккенсом посетили лондонские трущобы: «В нищенской каморке мы увидели изможденную старуху, которая раздувала самодельную трубку, состряпанную из маленькой чернильной склянки; и слова, вложенные Диккенсом в ее уста в „Эдвине Друде“, мы сами от нее слышали, пока, склонившись над расхлябанной кроватью, на которой она лежала, прислушивались к ее сонному бормотанию». Это

происходило осенью 1869 года, и Диккенс, конечно, сразу увидел, как можно использовать столь колоритный персонаж в романе, который он тогда обдумывал. Эта старуха, по прозвищу «Матросская Салли», была еще жива в 1875 году. Ее конкурент-китаец, предмет ее постоянной зависти, тоже реальное лицо: это Джордж А-Син, сохранивший притон на Корнуэлл-роуд. Он умер в 1889 году.

О том, какого рода связь существует между старухой и Джаспером, можно только догадываться. Не подлежит сомнению, что она должна стать каким-то важным и, может быть, даже решающим фактором в развязке. Но главная ее цель, когда она преследует Джаспера, не в том, чтобы обвинить его в убийстве Эдвина Друда. Еще в самом начале, когда мы впервые видим Джаспера в ее притоне, она уже враждебна ему и, как мы узнаем впоследствии, притворяется спящей, чтобы тайком подсматривать за ним. Несколько позже, приехав в Клойстергэм, она встретила Эдвина Друда и сказала ему: «Я приехала сюда искать иголку в стог сена, ну и не нашла». Искала она Джаспера. Она знала, что он живет где-то поблизости, но упустила его. Друд в это время еще жив, так что цель ее поисков, очевидно, иная. Однако уже и тогда она знала, что «„Нэд" — опасное имя». У нее в руках какие-то сведения, о ценности которых она пока не имеет представления, — но когда-нибудь она станет грозной свидетельницей против Джаспера.

После убийства она опять разыскивает Джаспера в Клойстергэме. Она подслушала его бессвязные разговоры в курильне, его рассказ о «путешествии» с каким-то родственником; она услышала от него, что он уже сделал то, что «хотел сделать», и что «когда оно свершилось, его словно и делать не стоило, все кончилось так быстро!» Он рассказал ей о своих видениях и кончил полным ужаса восклицанием: «И все-таки... все-таки вот этого я раньше никогда не видел!» Она пыталась заставить его еще говорить, но его речь стала невнятной. Она ненавидит этого человека, перед которым раболепствует, она жаждет отомстить ему. Но по каким-то личным причинам. Эдвин Друд ей чужой, и его судьба сама по себе ее не интересует.

Кто же она в таком случае? То, что я теперь скажу, только догадка, так как Диккенс не дает конкретных фактов. Но если вспомнить, что во всей книге не сказано ни слова о прошлом Джаспера — мы ведь так и не знаем, ни кто он, ни откуда, ни какого

происхождения; кроме племянника, у него нет ни души родных; если вспомнить, что он одновременно преступник и человек талантливый; если вспомнить его нравственный облик — его вкрадчивые манеры, его лживые уверения в любви к Эдвину, его хитрость и коварство, его бессердечие и его упорство в преследовании своих целей; и, особенно, если учесть, что куренье опиума — наследственный порок, который редко приобретает власть над молодым человеком, если у того нет врожденной склонности, — тогда, быть может, не покажется слишком диким предположение, что Джаспер был незаконным отпрыском этой самой, курящей опиум, женщины, чей характер повторяется в нем, и, возможно, человека с преступными задатками, но занимавшего более высокое положение. Сам Джаспер уже в молодых годах обнаруживает черты извращенной и больной психики, он — смесь гениальности и порока. Он одинаково страстно любит и ненавидит, как будто в жилах у него есть капелька знойной цыганской крови. По внешности образец приличий и преданности своему искусству, он горько жалуется на «иссушающую скуку» своих повседневных занятий, на «унылое однообразие» своего существования. Свое преступление он совершает со свирепостью дикого зверя, его натура осталась неукрошенной. Если мы скажем, что отец его был бродягой и искателем приключений, мы вряд ли сильно ошибемся. Если мы предположим, что его матерью была эта самая, преждевременно состарившаяся, курильщица опиума, мы почти наверняка будем правы.

Цель ее от нас скрыта. Но как напрашивается такое, например, объяснение: отец, может быть, гордый и красивый человек, бросил свою любовницу и забрал ребенка. Она ненавидит обоих за то, что они ее отвергли, но отец умер или исчез, он недостижим для мести. Как вдруг сын, жертва порочных влечений, заложенных в его крови, сам приходит к ней в курильню. Он не подозревает, что перед ним его мать, но она сразу его узнала. Так пусть же сын пострадает за грехи отца, разбившего ее жизнь! Эта тема во вкусе Диккенса. Но утверждать тут ничего нельзя. Да и не это в конце концов главное, а то, что старуха послужит бессознательным орудием правосудия: она доставит одну из тех косвенных улик, с помощью которых возмездие настигнет Джаспера.

Можно предложить другую версию — по той же линии, что с Каркером в «Домби и сыне». Джаспер, распутник, отмеченный печатью вырождения, похотливый и бессердечный, мог обмануть

и погубить дочь старухи. Но вряд ли Диккенс стал бы повторять здесь историю миссис Браун.

Для нас достаточно того, что эта женщина должна стать связующим звеном разрозненных нитей очень сложной интриги. Попутно она помогает нам решить вопрос о Дэчери — а именно, лишний раз убедиться, что Дэчери не Друд. Рассмотрим все это подробнее.

Друд знал эту старуху, и даже очень хорошо, ибо он видел ее в таком же припадке, как в свое время Джаспера. При их встрече в Монастырском винограднике он «смотрит на нее в испуге. „Боже мой! — мысленно восклицает он. — Как у Джека в тот вечер!“» Она предупредила его об опасности, угрожающей «Нэду», и он решил рассказать об этом Джеку, «который один зовет его Нэдом», как о странном совпадении. Он дал ей денег на покупку опиума. Если Дэчери не кто иной, как Друд, то при второй их встрече, полгода спустя, он, конечно, тотчас узнал бы женщину столь необычной внешности и понял бы, что она как-то связана с человеком, который пытался его убить. Но Дэчери ее не узнает. Друд немедленно вспомнил бы о ее предостережениях, связал бы их с последующим покушением Джаспера на его жизнь и оценил бы важность такой улики. Меж тем Дэчери, даже когда женщина упомянула имя Джаспера, не проявляет к ней особого интереса. Он даже не знает, что она курит опиум, как и Джаспер. И только когда она сама ему об этом говорит, он, «вдруг изменившись в лице, вперяет в нее острый взгляд». Друд не изменился бы в лице, услышав то, что ему уже шесть месяцев известно. Но для Дэчери это полная неожиданность и важное сведение; оно его взволновало; и волнение его еще возросло — настолько, что он уронил монету, когда женщина добавила, что «в прошлый сочельник — роковой день! — молодой джентльмен дал ей три шиллинга шесть пенсов... а имя этому молодому джентльмену было Эдвин». Если бы перед ней в эту минуту был сам Эдвин, он не стал бы задавать ей до нелепости ненужный вопрос: «А откуда вы знаете его имя?» Он бы промолчал. Но Дэчери поражен таким оборотом событий. Он узнал что-то новое, хотя и неизвестно куда ведущее, и поэтому в конце дня, разглядывая свой «пока еще очень маленький счет» из меловых черточек, он прибавляет к нему «средней длины черту». «Это, пожалуй, все, на что я имею право», — поясняет он, и в его положении это совершенно правильная оценка. Эдвин Друд не мог бы прибавить такую черту,

ибо для него в рассказе старухи не было ничего нового. Но на другой день Дэчери видит гневные жесты старухи в соборе, убеждается в ее активной враждебности к Джасперу — это уже нечто определенное, не одни только подозрения, — и он прибавляет к счету «длинную толстую черту». Этот счет «никому не понятен, кроме того, кто ведет запись, но все тут, как на ладони, и в свое время будет предъявлено должнику». Дэчери, объединив все наблюденные за последний день факты — приезд этой курильщицы опиума из Лондона на поиски другого курильщика опиума, ее ненависть к этому человеку, ее признание, что в роковой сочельник она виделась с Эдвином Друдом, — усматривает в этом какое-то пока еще неясное, но несомненное свидетельство против Джаспера. Эдвину Друду, если он остался жив и оправился после покушения, все эти факты и без того известны, — для Дэчери это новые и очень важные данные.

Теперь, собрав все, что нам удалось узнать, и все, о чем позволительно догадываться, мы можем с большой долей вероятия предсказать, каков должен быть, по замыслу Диккенса, финал этого романа и всех заключенных в нем тайн.

Глава VIII От ключей к заключению

Пытаться, как делали некоторые, написать вторую часть «Эвина Друда», подражая стилю Диккенса, это по меньшей мере дерзость, если не святотатство. Мы ограничимся тем, что, рассмотрев факты, описанные в первой части романа, постараемся указать, как должно было, по всем вероятиям, развиваться действие дальше и какое заключение наилучшим образом объяснит все, что происходило до этого, и свяжет концы с концами, оставив наименьшее количество «хвостов».

Форстер считает, что Диккенса несколько беспокоил ход действия в романе: он боялся, «не слишком ли рано он изложил события, ведущие к развязке, например, появление Дэчери в пятом выпуске (во всяком случае, он высказывал такие опасения своей свояченице)». Воспроизводя отвергнутую главу о мистере Сапси и клубе «Восьмерых», Форстер замечает, что Диккенс, возможно, хотел ввести новые действующие лица, чтобы отдалить развязку. Я не думаю, что клуб «Восьмерых» должен был служить такой цели; заключительная часть главы — это всего-навсего черновой набросок

диалога между Дэчери и мистером Сапси, вошедшего потом в главу XVIII. Другое дело Билликин и Баззард — они действительно занимают сцену, пока подготавливается выступление главных героев, и успешно тормозят действие.

Проктор показывал нам, как должен был кончаться роман, если допустить, что Дэчери это Эдвин Друд. Но сравните этот бледный финал, при котором Эдвин только «одобрительно смотрит на счастье Розы и Тартара», с тем ярким финалом, который получится, если Эдвина в нем не будет; при котором, после того как Диккенс всячески старался внушить нам, что преступление Джаспера осталось незавершенным, мы узнаем, что преступление-то завершилось, но и улики против преступника все налицо! Если Друд погиб, Дёрдлс и Депутат нужны как свидетели; если он уцелел, они излишни. Представим себе также, какая это будет драматически сильная сцена, когда Дэчери, пожилой мужчина, преобразится в Елену Ландлес, молодую и прекрасную женщину, и она раскроет, казалось бы, непроницаемую тайну, до тех пор остававшуюся скрытой в сердце виновника.

Автору не трудно было описать убийство, пусть даже очень сложное. Трудно было подвести читателя к развязке, не открывая ему секрета раньше времени. Раскрыть карты — значило бы испортить книгу. Прямо указать на Елену Ландлес, как на исполнительницу роли Дэчери, значило бы разрушить тайну, ибо тогда мы знали бы наверняка, что Эдвина Друда нет в живых. А Диккенсу нужно было держать все это в неизвестности. Поэтому Елена Ландлес, хоть о ней и много говорят, сама все время остается на заднем плане. Когда Диккенсу кажется, что события развиваются слишком быстро, он отвлекает наше внимание на других действующих лиц, таких, например, как Билликин или Баззард. Он то и дело замечает следы. Либо старается, чтобы мы забыли то, что уже знаем, либо подталкивает нас на ложный путь.

Среди многих неожиданностей, которые готовятся читателю в конце, есть еще одна, и немаловажная: в этом романе без героя и с весьма сомнительной героиней истинными героем и героиней, как по силе духа, так и по их роли в развязке, без сомнения, окажутся мистер Грюджиус и Елена Ландлес.

Если проследить звено за звеном всю цепь событий, показанных нам Диккенсом, то развязка будет иметь приблизительно такой вид:

Джаспер осуществил свой замысел: Эдвин Друд убит. Он погиб от

руки своего дяди, жаждавшего завоевать любовь Розы. План убийства был обдуман до тонкости; вдобавок, одно случайное обстоятельство помогло убийце.

Накануне рождества Эдвин Друд и Невил Ландлес ужинали у Джаспера. В ночь разразилась буря; в порожденных ею сумятице, шуме и опустошениях Джасперу легче было незаметно совершить задуманное. В полночь оба молодых человека пошли к реке посмотреть на бурю. Мы ясно представляем себе, что было после того, как они расстались. Невил вернулся домой, путь Эдвина лежал в другую сторону, к арке над воротами. У собора Джаспер его перехватил — и тут начинается трагедия. Убийца действует неторопливо, обдуманно. Эдвин, возможно, уже заранее был опоен каким-то дурманящим снадобьем — Джаспер имел пристрастие к таким манипуляциям, да это и было ему нужно, осторожности ради. В соборе где-то спит Дёрдлс; как и в прошлый сочельник, он забрался туда, чтобы проспаться после выпивки. Снаружи во тьме где-то бродит этот дьяволенок, Депутат, поджидая Дёрдлса, чтобы прогнать его домой камнями. Так, по-видимому, предполагал Диккенс сгруппировать эти персонажи.

Буря свирепствует. Сквозь шум ветра доносится один-единственный, пронзительный, отчаянный крик — похожий на «призрак крика», похожий на «вой собаки». Черный шелковый шарф сдавливают горло жертвы. Но Дёрдлс услышал что-то — он сам не знает что, и Депутат видел что-то, чего не понял. Кто-то другой должен все это осмыслить и истолковать. Не сейчас. Впоследствии.

С этой ночи никто уже не видал Эдвина Друда.

Наутро Джаспер объявил о его исчезновении и тотчас же постарался отвести подозрение на Невила, — тот ведь последним виделся с Друдом. Всяческими хитростями, полувывысказанными намеками, подчеркиванием всех обстоятельств, сколько-нибудь неблагоприятных для Невила, Джаспер создает против него довольно убедительное обвинение, в котором не хватает только прямых улик. А затем без всяких колебаний — нет, даже с наглостью и вызовом — он открывает свои истинные чувства Розе. Он ничего не боится, так как знает, что Эдвин больше уж никогда не встанет на его дороге. Он не только объясняется Розе в любви, он открыто грозит ее друзьям. Оставайся у него хоть капля сомнений, он не посмел бы так себя разоблачить.

Но он знал, что Эдвин мертв и даже тело его обращено в прах

негашеной известью. Он предусмотрительно снял с него все знакомые ему драгоценности и бросил их в реку как раз в том месте, где мистер Криспаркл, любитель купанья и отличный пловец, скорее всего их найдет. Он предвидел, что такая находка еще укрепит подозрения против Невила.

Но одна улика осталась. Грюджиус в свое время передал Эдвину обручальное кольцо, которое тот должен вручить Розе. Юноша оставил кольцо у себя. Он никому об этом не сказал. В сочельник кольцо было при нем. Джаспер не знал про это кольцо. Негашеная известь его не уничтожила. Оно лежит в склепе, где спрятано тело, и когда его найдут, оно-то и станет «цепью, выкованной в кузницах времени и случайности», «впаянной в самое основание земли и неба и обладающей роковой силой держать и влечь».

Проктор, в плену своей ошибочной теории, вынужден игнорировать этот факт; он заявляет, что цитированная выше фраза ничего не значит, незачем обращать на нее внимание.

«Держать и влечь»! Трудно подобрать слова более значительные. Это кольцо будет крепко держать Джаспера, оно прикует его к совершенному им преступлению и повлечет его к гибели.

Но требуется что-то вмешательство. Пока кольцо лежит в своем тайнике, оно бесполезно. Нужен человек, который возьмется наблюдать, выслеживать, мстить.

Трое этим заняты — Дэчери в Клойстергэме, Грюджиус в Лондоне и старуха в своей курительне, где она подслушивает сонные речи Джаспера. Диккенс явно подводил к тому, что преступник сам себя выдаст. Слова Джаспера о совершенном им «путешествии», о том, что в этом путешествии у него был спутник, о каком-то деле, которого и делать не стоило, о каком-то зрелище, которого он раньше никогда не видел, это, в сущности, уже признание, только его пока еще «нельзя понять» — одно из ключевых выражений в романе, которое впервые появляется в первой главе, а потом время от времени повторяется со странной силой. Дэчери должен подготовить почву для определенных выводов и ясного понимания. К тому времени, когда рассказ обрывается, Дэчери уже сделал несколько шагов по этому пути.

Первый намек, очевидно, будет исходить от Дёрдлса. При посещении Дэчери он расскажет ему, что в последний сочельник опять слышал «призрак крика» — и нетрудно будет доискаться, что по времени этот крик совпал с исчезновением Эдвина Друда. Второй

намек подаст Депутат, который в ту ночь видел своего врага, Джаспера, вместе с кем-то другим возле собора, а может быть, также видел, как Джаспер нес свою ношу по направлению к склепу миссис Сапси. Возможно, Депутат сумеет точно указать время, когда это произошло, или каким-либо другим способом — для этого у Диккенса есть разные приемы — выявить связь между тем, что он видел, и тем, что Дёрдлс слышал. Во всяком случае, теперь в руках у Дэчери будут две нити, он может их соединить. Преступник, время и место преступления — все уже известно.

Но где исчезнувшее тело? Дэчери сам не нападет на мысль о склепе миссис Сапси. Тут опять поможет Дёрдлс. Постукивая молотком, он заметит какую-то перемену; какую именно, мы не знаем, но он сразу поймет: в склеп кто-то лазил, надо это дело расследовать. Что еще при этом обнаружится — прибавилось ли что в склепе или убавилось, — опять-таки неизвестно, но ясно одно: там найдут кольцо, то самое, которое Грюджиус передал Эдвину Друду. Оpoznать его нетрудно, да и Баззард подтвердит как свидетель, что это кольцо было вручено мистером Грюджиусом Эдвину, и никому другому. Эдвин не надел его на палец Розе и не вернул его Грюджиусу; очевидно, к моменту исчезновения оно еще было при нем. Таким образом, для Дэчери тайна уже начнет проясняться.

Грюджиус, со своей стороны, может еще кое-что засвидетельствовать — например, потрясение, испытанное Джаспером при известии о разрыве помолвки. Что Грюджиус к этому моменту знал и о чем подозревал — не сказано, но самая его манера, когда он заговаривает с Джаспером, дальнейшее его обращение с ним и его решительное утверждение (в одной из последующих глав), что Джаспер отъявленный негодяй, говорит о многом. Грюджиус может также рассказать о махинациях Джаспера в Лондоне — а там, где его показания кончатся, начнутся показания старухи.

Она следила за Джаспером по каким-то личным причинам, но попутно собрала материал, имеющий отношение к убийству. Джаспер в свое последнее посещение курильни начал уже что-то выбалтывать; он не остановится. А может быть, он уже заподозрил, что за ним следят, — тогда, надо думать, развязка, по замыслу Диккенса, примет такую форму: под влиянием страха Джаспер возвращается в склеп, чтобы проверить, все ли следы преступления уничтожены, — и сталкивается лицом к лицу с Дэчери, который там его уже поджидает. Это один из любимых приемов Диккенса:

мститель заманивает свою жертву туда, где ее постигнет возмездие *. То же самое мог сделать и Дэчери, и в этот острый психологический момент Джаспер был бы арестован. Именно такую неожиданную встречу, уготованную убийце в склепе, где замуровано тело Эдвина Друда, изображает один из рисунков на обложке работы Коллинза. Эффект такой очной ставки был бы, конечно, ошеломляющим; можно не сомневаться, что для этой сцены Диккенс нашел бы самые яркие краски.

Обратимся теперь к уже упомянутым рисункам на обложке первоиздания «Эдвина Друда», факсимиле которой мы, с любезного разрешения издательства Чэпмен и Холл, здесь воспроизводим. Они были выполнены Чарльзом Олстоном Коллинзом (братом Уилки Коллинза), который женился на Кейт, младшей дочери Диккенса, в 1860 году. Таким образом, между писателем и художником была близкая связь и, вероятно, полная договоренность.

Тут прежде всего надо отметить, что рисунки, видимо, делались по личным указаниям Диккенса, так как по крайней мере один из них касается эпизода, до которого повествование еще не было доведено. Этот рисунок, который мы более подробно опишем позже, изображает, надо полагать, заключительную сцену романа. Второе, что следует отметить, это что рисунки вполне удовлетворяли автора. «Чарльз Коллинз нарисовал превосходную обложку», — писал Диккенс. По словам Форстера, Диккенс хотел и все иллюстрации поручить своему зятю. Это по разным причинам не удалось, тогда выбор пал на Люка Филдса.

Хотелось бы еще упомянуть об одном интересном лично для меня обстоятельстве. Когда я писал эту статью и излагал в ней свою теорию, я еще не видал рисунков Коллинза. Впервые я с ними ознакомился, когда моя статья уже была закончена, и оказалось, что они поразительным образом подтверждают выводы, к которым я пришел. Значение некоторых рисунков можно, конечно, толковать по-разному, но вот как я их понимаю:

Вверху на углах помещены символические фигуры Комедии и Трагедии или же Любви и Ненависти. Между ними — широкая сцена с собором на заднем плане, а ближе впереди — основные

* Пекснифа зазывают в дом Мартина Чеззлвита; Вега разоблачают у Боффина; леди Дедлок умирает на могиле своего любовника; Сайкс заманивает Нэнси в западню; Эвремонта вызывают письмом в Париж — все это примеры драматического построения.

действующие лица главной темы, слева Эдвин и Роза, справа снедаемый ревностью Джаспер. Лицо и поза Эдвина выражают равнодушные, взгляд устремлен вперед — не на женщину, идущую рядом с ним. Роза совсем отвернулась в сторону, ее омбрелька тащится по земле, голова уныло опущена. Так идут эти двое — рука об руку, но внутренне далекие друг от друга, юная пара, чья помолвка не стала союзом, а только путами, чья дружба так и не разгорелась в любовь. А на другой стороне — соборный регент, не в силах скрыть сжигающую его страсть, пожирает взглядом девушку, которую он любит, и юношу, которого он намеревается смести со своей дороги, — жертву, не ведающую об уготованной ей участи! И с этой же стороны, где стоит Джаспер, выглядывает из-за занавеса Ата-подобная фигура с всклокоченными волосами и обнаженным кинжалом в руке.

Вторая картина слева — девушка, глядящая вдаль в какое-то пустое пространство с начертанными над ним словами: «Пропал без вести», — не требует комментариев. Эдвин исчез, Роза одна. Третья картинка слева перекликается с одной из иллюстраций Филдса, изображающей страстные и безудержные признания Джаспера в любви к Розе, происходившие в саду. Еще ниже в углу — старуха курит опиум, и дым от трубки, поднимаясь вверх, клубится у ног Джаспера и Розы — довольно уместный в данном случае символ. А как раз напротив, в правом нижнем углу, тоже клубится дым — от трубки, которую курит Джек-китаец, и окутывает ноги Джаспера, поднимающегося по винтовой лестнице. Пары опиума подстилают всю «Тайну Эдвина Друда».

Две маленькие промежуточные картинки справа относятся к «странной экспедиции» Джаспера в собор совместно с Дёрдлсом, описанной в главе XII. Джаспер тогда поднимался на башню, и, пока они с Дёрдлсом отдыхали на ступеньках, Дёрдлс рассказал ему, как в прошлый сочельник слышал «призрак крика». После этого Джаспер «рывком встает на ноги», и оба «начинают взбираться по винтовой лестнице... среди тенет паутины и залежей пыли... пока их взорам не открывается, наконец, лежащий далеко внизу Клой-стергэм... Поистине это очень странная экспедиция!» Этот эпизод полон намеков на разные многозначительные обстоятельства, и в последних главах, будь они написаны, мы узнали бы, как Джаспер все эти обстоятельства использовал.

В середине помещено заглавие книги, окаймленное с одной стороны розами, с другой — терниями. Ветви скрещиваются сверху,

а внизу изображены молоток, лопата и узелок с обедом Дёрдлса. Отходящие от розовой ветви побеги окружают на всех картинках Розу, тернии соответственно протягиваются к Джасперу; шипы угрожающе обращены вниз. Это законченная аллегория.

Последний рисунок — в середине внизу — самый важный и самый выразительный. Человек с фонарем в руке входит в темное помещение. Лучи от фонаря падают на другую фигуру — очевидно, неожиданную для вошедшего. Фигура эта очень странная. Мужчина это или женщина в мужском платье? Может быть, это и есть таинственный Дэчери? Среди иллюстраций Филдса нет ни одной изображающей Дэчери, так что руководствоваться нам нечем. Но на этом человеке большая шляпа и наглухо застегнутый сюртук — именно те предметы одежды, которые особенно подчеркивает автор при описании внешности Дэчери. Но лицо у этого человека молодое. А взгляд выражает спокойное ожидание.

Если Джаспер, почувствовав, что сеть стягивается вокруг него, в страхе бросился в склеп проверять, не осталось ли там неуничтоженных улики, или если его как-нибудь иначе туда заманили, а там он встретил поджидающего его Мстителя — Елену Ландлес в образе Дэчери, — это значит, Диккенс сумел подготовить к концу романа ситуацию такой напряженности и силы, что все надежды, которые он возлагал на эту книгу, можно считать оправдавшимися: он действительно доказал свою способность построить крепкий сюжет, безупречный по замыслу и выполнению. А что Диккенс примерно так мыслил себе развязку, в этом нас убеждают слова Форстера:

«Вскоре после убийства преступник узнает, что его преступление было ненужно — с точки зрения тех целей, ради которых оно было совершено. Но самое убийство очень долго остается нераскрытым, пока с помощью золотого кольца, устоявшего против разрушительного действия негашеной извести, в которую было брошено тело, не удалось, наконец, установить не только имя жертвы, но также место преступления и личность преступника» *.

Очевидно, Джаспера заманили бы на место преступления; там его и ждали бы. Либо он сам бросился бы туда, гонимый страхом, либо его каким-то способом побудили бы снова посетить это место.

* По поводу теории Проктора можно еще отметить, что он вынужден игнорировать это сообщение Форстера, основанное на собственных словах Диккенса. Эпизод с кольцом он отменяет, о пророческом рисунке Коллинза ему нельзя упомянуть.

Дальше последовал бы его арест, осуждение, исповедь и самоубийство с помощью яда — на все это есть Довольно ясные указания. И как всегда у Диккенса, справедливость восторжествовала бы и все ухищрения убийцы обратились бы против него самого.

Но несомненно, что еще одному лицу предстояло погибнуть прежде окончания романа — окончания во всех прочих отношениях счастливого. Невил Ландлес отмечен для смерти не менее ясно, чем Хэм Пегготти или Сидней Картон; Диккенс умел это делать. Невил умрет героически. Проктор, считавший, что Эдвин жив, выдвигает такую версию: Невил погибнет при попытке защитить Эдвина Друда — которого он терпеть не может — от нападения разъяренного Джаспера. Но насколько же будет значительнее, возвышенней и достойней, если в ту минуту, когда Дэчери сбросит маску и превратится в Елену Ландлес, когда припертый к стене и взбешенный убийца направит в ее грудь смертельный удар, брат ее, для которого она столько сделала и который теперь так блестяще оправдан, в этот момент наивысшего счастья и победы с радостью отдаст за нее свою жизнь!

Эти выводы, к которым мы пришли, основаны на фактах, изложенных Диккенсом в тех главах, что он успел написать. Они согласуются с намерениями, которые он устно высказывал. Они совпадают с его первоначальным замыслом, о котором он говорил Форстеру. Они позволяют конструировать такую развязку, которая будет новой, неожиданной и логически оправданной. Каждый персонаж найдет в ней свое место, каждая мелочь, помянутая в романе, будет использована. Не будет ни пробелов, ни натянутых объяснений. Естественно и убедительно развиваются события, неуклонно подвигаясь к предуказанному окончанию — тому окончанию, которое автор видел так ясно и которое так хитро скрывал от других. Елена Ландлес, вместо того чтобы оказаться вовсе лишней для действия и пригодной самое большее на роль супруги мистера Криспаркла, обратит свои необычайные способности на важнейшее дело. Друд, вместо того чтобы чудесным образом восстать из гроба, ускользнув неизвестно как от рук умного преступника, который тем не менее нисколько не сомневается в успехе своего злодеяния и соответственно с этим строит свои дальнейшие дерзкие ходы; Друд, вместо того чтобы вернуться к жизни лишь затем, чтобы послать свое благословение бывшей возлюбленной, когда она выходит замуж за

другого; Друд, вместо этой никчемной роли, становится скрытым стержнем, вокруг которого вращается все действие. Джаспер, вместо того чтобы проявить себя дурачком и растяпой, оказывается действительно опасным злодеем, достойным трудов и усилий, затраченных на его поимку. Грюджиус, вместо того чтобы неизвестно почему скрывать спасение Эдвина Друда, подвергая бесчисленным опасностям тех, кого он призван оберегать, предстает перед нами как разумный и твердый человек, неустанный борец за справедливость. Так какую же из этих двух развязок предпочел бы, по всем вероятностям, Диккенс?

Стоило ли так вникать в эту тайну? Безусловно стоило, ибо одновременно мы вникли в творчество автора. Мы увидели, что в свои последние годы он достиг новых вершин мастерства. Он вдохновился новой идеей; загорелся энтузиазмом; его прельстила эта новая возможность; и с таким же жаром, как и раньше, с такой же основательностью он принялся за дело. А дело это требовало не только всех его способностей, но преимущественно таких, которые он прежде мало упражнял. Он не уклонился от этого испытания. С неистощимым терпением, с блестящей изобретательностью разрабатывает он свой сюжет, сообщая каждой части законченность, с безупречным тактом отбирая слова, действия, характеры. И если бы не вмешательство Судьбы, властвующей над всеми, велико было бы его торжество. Гений Диккенса не клонился медленно к закату, он угас мгновенно. Пусть даже изучение «Эдвина Друда» не даст нам ничего другого — оно, во всяком случае, позволит нам увидеть, насколько великим оставался этот редко одаренный человек вплоть до той минуты, когда перо выпало из его омертвелой руки.

«Эдвин Друд» — это только торс статуи, и, созерцая этот незаконченный шедевр, мы понимаем, как искусна была рука, которая его изваяла, как силен был интеллект, который его замыслил, и как прекрасны были бы пропорции этого творения, если бы автор успел его завершить.

И. И. СМАРЖЕВСКАЯ

Кто такой мистер Дэчери?

Разгадка второй тайны романа Диккенса «Тайна Эдвина Друда»

В сентябре 1870 года в Англии вышел в свет последний выпуск незавершенного романа Диккенса «Тайна Эдвина Друда». Это детектив, и очень хороший, иначе он не вызвал бы таких споров. Автор считал, что это «новая идея, которую нелегко будет разгадать». В статье излагается поправка к наиболее вероятной из многочисленных гипотез о развязке романа.

О чем успел написать Диккенс?

Эдвин и Роза Буттон, обаятельные и очень молодые люди, обручены с детства. Джон Джаспер, дядя и опекун Эдвина, безумно влюблен в Розу и потому замыслил убийство племянника. Спрятать тело Эдвина он решил в одном из склепов клойстергэмского собора. Джон Джаспер идет к Томасу Сапси, недавно похоронившему жену. Мистер Сапси показывает ему эпитафию для памятника миссис Сапси. Надпись должен запечатлеть на камне каменотес Дёрдлс, присутствующий здесь же. Дёрдлс просит у Сапси ключ от склепа, с тем чтобы, закончив работу, осмотреть ее «и с лица и с изнанки». Мистер Сапси достает ключ, отпирает сейф и вынимает оттуда другой ключ, который Джаспер запоминает.

Как дальновидный преступник Джаспер разжигает взаимную неприязнь Эдвина и Невилы, недавно приехавшего с сестрой с Цейлона и также влюбленного в Розу. За неделю до сочельника Джаспер, подпоив Дёрдлса, осматривает склеп. Сознание, что они не могут выбирать и силой навязаны друг другу, тяготит Розу и Эдвина. С обоюдного согласия они расторгают свои отношения втайне от Джаспера. В сочельник Эдвин узнает от старухи из притона, где Джаспер курит опиум, что человеку по имени Нэд (так называет Эдвина дядя) грозит опасность. В ночь, в бурю, Эдвин исчезает. Каноник Криспаркл находит в реке часы Эдвина. Невилы арестовывают, затем, за недостатком улик, отпускают. Городок, где

произошла трагедия и где Невилу Ландлесу пришлось столкнуться с потоком бессмысленной злобы и самодовольной глупости, изгоняет его. С запятнанным именем и репутацией Невил уезжает в Лондон.

Прошло полгода. Несмотря на то, что именно Невила обвиняли в убийстве жениха, Роза сочувствует ему в его несчастьях. Она подозревает Джаспера и не может простить себе, что не предостерегла Эдвина от его опекуна. Не предостерегла, так как не хотела ранить доброго и доверчивого юношу, сказав, что Джаспер предал его. Но доказательств преступления у Розы нет. В это время в городке появляется Дик Дэчери, таинственный, но чрезвычайно приятный незнакомец, незаметно выясняющий обстоятельства трагедии и наблюдающий за Джаспером и мистером Сапси. Дэчери узнает, что имеется полная уверенность в виновности Невила и что Невил обречен. После знакомства с Дэчери Джаспер вызывает Розу на свидание, выбрав момент, когда она оставалась в пансионе мисс Твинклтон одна. Джаспер, уверенный в безнаказанности, почти признается Розе в своем преступлении и любви к ней, говорит, что только Роза может спасти Невила и Елену (его сестру). Почти уверившись, что Джаспер — виновник гибели Эдвина, Роза уезжает в Лондон и рассказывает о свидании с Джаспером своему опекуну Грюджиусу и Елене (переехавшей к брату). Грюджиус помогает Розе снять квартиру, где она поселяется с мисс Твинклтон. Старуха из притона в Лондоне многое знает о Джаспере и ненавидит его. Выслеживая его, она в Клойстергэме встречается с Дэчери. После разговора со старухой Дик Дэчери поручает разузнать о ней (и тем самым о Джаспере) его врагу мальчишке Депутату.

Здесь роман обрывается. Остаются три тайны. Первая: был ли Эдвин Друд убит? Вторая: кто такой мистер Дэчери, поселившийся в Клойстергэме после исчезновения Эдвина? Третья: тайна старухи. Ключей к третьей тайне нет, поэтому остановимся на первых двух тайнах романа.

Остался ли Эдвин в живых? Эдвин воспитан, образован, но он еще очень молод, «почти мальчик ...всегда ласков с детьми и стариками», добрый, великодушный, веселый, с непринужденными манерами и с чувством юмора — симпатичная личность. Он доверчив потому, что неопытен и введен в заблуждение таким мастером преступления, как Джаспер. Самые обаятельные личности в романе — это главные герои Эдвин и Роза. Конечно, хочется чтобы Эдвин остался жив. Имеется большое число приверженцев теории «мертвец

выслеживает», например, Проктор. Он основывается на местных преданиях о действительном происшествии в Рочестере (Клойстергэме) — дядя убил племянника. Но Эдвину незачем было появляться в качестве Дика Дэчери и добывать доказательства вины своего убийцы — он и так ее слишком хорошо знал. Диккенс не стал бы так подробно расписывать замысел Джаспера и накапливать столько улик против него, если бы преступления не было. Эдвин был убит. Подробное доказательство этого приведено Дж. К. Уолтерсом в его статье «Ключи к роману Диккенса „Тайна Эдвина Друда“». Исследователи Джексон, Николл, Ч. Уильямс считают главным и определяющим свидетельство старшего сына Диккенса, которому отец сказал, что Эдвин был убит.

Перейдем ко второй тайне: кто такой мистер Дэчери?

В своей статье Уолтерс убедительно доказывает, что Дэчери — это женщина. Причины тому следующие: Дик Дэчери носит большой парик, чтобы скрыть волосы женщины; он имеет привычку по-женски встряхивать волосами; ему присуща манера носить шляпу, не надевая (что естественно при большом парике летом) и зажимая ее по-женски под мышкой; результаты расследования Дэчери записывает меловыми черточками разной длины (по способу, принятому в старинных трактирах), чтобы не быть узнанной по почерку (в ту эпоху мальчиков учили «круглому» шрифту, девочек — «заостренному» с росчерками).

Однако Уолтерс ошибается, определяя, кто эта женщина. Он подробно рассматривает поступки действующих лиц (всех, кроме Розы и мисс Твинклтон) и отводит роль Дэчери Елене — второстепенной героине, которая редко появляется на сцене.

Почему Елена Ландлес не может быть Дэчери?

Проследим подробности интриги, изложенной последовательно в главах романа, начиная с появления Дэчери. Дэчери появляется в Клойстергэме в главе XVIII. В главе XIX происходит объяснение Розы с Джаспером в саду, в ходе которого она узнает о смертельной опасности, угрожающей Ландлесам. В главе XX Роза уезжает в Лондон и рассказывает опекуну о свидании с Джаспером, и только в главе XXII об этом узнает Елена. Дэчери появился в городке гораздо раньше, чем Елена поняла необходимость действовать. Уолтерс признает: «Дэчери появился в Клойстергэме еще раньше, чем мистер Грюджиус услышал от Розы, насколько острым стало положение и насколько необходимо надзирать за всеми действиями

Джаспера». В силу этой причины как основной Уолтерс отрицает возможность выступления в роли Дэчери Грюджиуса. Елена же узнала от Розы об угрозах Джаспера еще позже Грюджиуса. Это первая причина, по которой мисс Ландлес не может быть Дэчери. Вторая причина — это нравственная невозможность для Елены играть роль Дэчери. «Нравственная невозможность — самая существенная из всех невозможностей. Коренным образом изменить наши природные склонности и поведение мы не в силах», — пишет Г. К. Честертон, у которого версия — Елена в роли Дэчери — вызывает сомнения. Вспомним, что говорит о Ландлесах Диккенс: *«Что-то есть в их лицах, в их позах, в их сдержанности, что напоминает... готового спастись бегством (!) оленя»*. Понимание человеческой природы не могло изменить Диккенсу. Мисс Ландлес только стремится избежать опасности, которая угрожает ей и Невилу. Спасение для нее — бегство, а не борьба. *«Нет, скорее это их преследуют, а не они ведут ловлю»*, — подсказывает Диккенс. Дэчери для всякого находит нужный тон, точно знает, как вести себя с Джаспером, с мистером Сапси, с ворчуном Дёрдлсом и с бродяжкой Депутатом. *«Дикость»* же Елены чувствуется во всем. Она признается Розе: *«Я боялась... как-то я встречу с целой толпой молодых девиц... я совсем необразованна и очень дурно воспитана... всему еще должна учиться и горько стыжусь своего невежества»*. Дэчери с его умением ладить с людьми не трудно добыть недостающие улики, Елена же явно избегала трудного и щекотливого для нее разговора с Розой после ссоры Невила с Эдвином, не считала возможным для Невила *«вымаливать прощение у молодого Друда или у мистера Джаспера, который каждый день на него клеветает»*. Следовательно, и добывать нужные сведения у Джаспера и у других людей, с чьей злобой и тупостью сталкивалась она после исчезновения Эдвина, она не станет. От нее веет *«замкнутостью и одиночеством»*. Далее, Дэчери, по всему видно, не нуждается в деньгах, в то время как Елена и Невил должны жестоко экономить. Это — третья причина, разрушающая версию Елена — Дэчери. В поддержку своей гипотезы Уолтерс приводит не слишком убеждающие утверждения; так, по Уолтерсу, у Елены — низкий грудной голос, который помогает ей выдавать себя за мужчину. Однако в романе нет ни одного упоминания о низком грудном голосе Елены. Ни на чем не основано и утверждение Уолтерса о том, что в день бегства Розы Елены не было в Лондоне. Из слов Грюджиуса: *«Желательно, чтобы*

мисс Елена... узнала из уст мисс Розы о том, что произошло и чем ей (Елене. — *И. С.*) угрожают. А затем... сообщила это своему брату», следует, что никаких совместных действий Грюджиуса и Елены не существует. Нет никаких указаний в романе и на то, что опекун Розы находится в постоянном контакте с Еленой, как утверждает

Обложка с ключом к тайне Эдвина Друда

Уолтерс, — они говорили один только раз, тотчас после исчезновения Эдвина. Напротив, следующий разговор подтверждает обратное: «Куда же ты денешься?» — спрашивает Елена у Розы. — «Я ничего еще не решила. *Но мои опекун... обо мне позаботится. — Значит, я смогу узнавать о моем розовом бутончике от мистера Тартара (соседа Ландлесов, согласившегося помочь. — И. С.)?»* Зачем же от мистера Тартара, если, по версии Уолтерса, Елена в контакте с опекуном Розы и все может узнать у него самого? Это противоречие Уолтерса с Диккенсом.

Итак, мы видим, что версия Елена — Дэчери — искусственна и неправдоподобна. Кстати, кроме Г. К. Честертона эта версия вызывает сомнения еще и у Э. Ланга.

Видимо, Диккенс не хотел слишком рано рассказывать о событиях, ведущих к развязке. Может быть, Дэчери надо искать среди героинь, о которых автор успел сообщить больше, чем о Елене, остающейся все время на заднем плане? Здесь уместно вспомнить наш краткий пересказ глав, из которого видно, в течение какого времени мисс Ландлес не могла быть Дэчери, не имея на то оснований (Невилл был отпущен и уехал, об угрозах Джаспера Елена еще не знала), и с какого времени (а именно, узнав об опасности) вообще исчезла со страниц романа.

Может быть, Дэчери надо искать среди непосредственных участников драмы: ведь очевидна его личная заинтересованность.

О разрыве помолвки Роза немедля рассказала мисс Твинклтон, поэтому можно смело предположить, что своими подозрениями она поделилась с мисс Твинклтон, которая с семи лет заменяла ей мать. Мисс Твинклтон давно знает Эдвина. То есть побудительные мотивы для желания разоблачить злодея у нее есть. Мисс Твинклтон умеет «красно говорить», многие привычные для нее обороты речи

проскальзывают в разговоре Дэчери (обращение его к мистеру Сапси). Она являет собою «образец выдержки и тонких манер». Диккенс говорит нам, что «жизнь мисс Твинклтон протекает как бы в двух отдельных планах или двух фазах существования». Может быть, в плане Дэчери и в плане мисс Твинклтон? Но два обстоятельства препятствуют тому, чтобы мисс Твинклтон могла быть Диком Дэчери: во-первых, мисс Твинклтон — фигура комическая, от нее нельзя ждать действий, требующих силы духа и мужества. И хотя она способна оказывать влияние на пансионерок (или людей своего круга), найти общий язык с Депутатом и Дёрдлсом (Дэчери собирался непременно зайти к Дёрдлсу) она не смогла бы, как не могла его найти с миссис Билликин — им пришлось общаться друг с другом только через Розу. Во-вторых, ее почтенный возраст. Мисс Твинклтон было бы трудно расшаркаться перед мистером Сапси, равно как и взобраться на башню собора, как это изображено на рисунках на обложке первого издания «Тайны Эдвина Друда». Дэчери же изящен и молод (нижняя картинка в середине — Дэчери и Джаспер). Это обстоятельство также исключает тождество Дэчери с мисс Твинклтон.

Итак, методом исключения мы установили, что единственно возможная кандидатура на роль Дэчери — это Роза. Уолтерс игнорирует Розу — главное действующее лицо. Странно, что Роза выпала из поля его зрения: у невесты убили жениха — кому, как не ей, отомстить за него? У Диккенса нет ни одной случайной детали: все работает в его повествовании. Внимательно читая роман, мы найдем доказательство сходства Розы и Дэчери.

Что нам говорит Диккенс о Розе до гибели жениха?

Хрупкая, стройная красавица, милая, взбалмошная, своевольная и очаровательная, она *«привыкла рассчитывать на доброту окружающих, но не в том смысле, что платила им равнодушием. В ней бил неиссякаемый родник дружелюбия»*. Никто не может противиться ее обаянию. «Елена совершенно покорилась маленькой фее и учится у нее всему, что та знает». Пансионерки предугадывают ее желания. *«Но глубины ее существа еще не были затронуты; и что станет с ней, когда это произойдет, какие перемены свершатся тогда в беззаботной головке и беспечном сердце, могло показать только будущее»*, — в сущности, это план романа — показать, какие перемены совершаются в Розе. И Диккенс делает это. Уже теперь добрая девочка проявляет ум, проницательность и твердость — она

просит опекуна вручить копию завещания, минуя Джаспера, прямо Эдвину: «Мне неприятно, что мистер Джаспер как будто становится между нами». Роза уже понимает, как надо вести себя с Джаспером — не доверять ему и его опасаться. «Я все понимаю, что с ним происходит», — признается она Елене. Уже теперь Роза обладает «способностью ю сосредотачивать все душевные силы на одной цели»: так разумно и деликатно она говорит с Эдвином: «...есть что-то неправильное в этих отношениях, которые мы не сами себе придумали, так что же лучшего мы можем сделать сегодня, как не изменить их?» Роза задалась целью разорвать помолвку и сделала это, задавшись целью отомстить — она добьется и ее.

После гибели Эвина при допросе Роза «точно, ясно и с глубокой скорбью» заявила, что, «посоветовавшись с ней, он охотно и с особым удовольствием выразил намерение дожидаться приезда ее опекуна, а исчез он раньше, чем приехал этот джентльмен». То есть Роза сразу поняла: исчез недобровольно. Горе затронуло глубины ее существа, совершаются перемены в ее головке и сердце, как и предсказывал Диккенс.

Прошло полгода. «В душе Розы был непокой и смута... Ни разу не высказанное словами *подозрение качалось там...* Роза спрашивала себя: „Неужели я такая дурная, что выдумала гнусность, *которой никто другой (!) и вообразить не может* (никто другой, кроме самой Розы, не имел такого количества информации об Эдине и о Джаспере, чтобы вообразить, что здесь налицо — убийство. — *И. С.*)? Да зачем ему было делать то, в чем я его обвиняю! — она стыдилась ответить: *Чтобы завладеть мною!*” И закрывала лицо руками, как будто даже тень столь тщеславной мысли делала и ее преступницей». Это постоянное чувство вины, перевешивающее мысль об опасности, и заставит Розу действовать. Несмотря на непокой в душе, все полгода Роза «была для Елены опорой и утешением, она неустанно твердила, что верит в невиновность брата Елены». Таким образом, Роза его из числа подозреваемых исключала. Но, если преступление было, а Невил невиновен, следовательно, преступник — Джаспер, подозревать которого имеет все основания только Роза. Остается найти доказательства его преступления.

В это время в городке появился Дэчери.

У Розы — Дэчери есть сильный побудительный мотив для мести за Эвина, к которому она испытывает «бескорыстную нежность

и жалость», и если она сумела найти мужество решиться быть для Эдвина только сестрой, а не «обузой и лишним беспокойством», то она сумеет обрести мужество искать доказательства вины его убийцы. Путь от пансиона «Женская Обитель» до квартиры Дэчери недолог. Роза может временами исчезать, оставаясь незамеченной.

Эдвин Друд. наброски Филдса

Если же об отсутствии Розы и было известно, то только мисс Твинклтон, которая сохранила это в тайне (чего она не стала бы делать для Елены, находившейся в пансионе так недавно и к тому же бывшей сестрой подозреваемого в убийстве). Маскарады в пансионе были нередки, так что играть роль Роза могла. Да и в обстановке «Женской Обители», где за нею «девицы и служанки шныряют, словно мыши под обоями», Розе приходилось играть роль не только в маскарадах. Белоснежная шевелюра Дэчери — Розы, «на редкость пышная», бросается в глаза, так как Роза маленького роста. На высокой Елене большой парик был бы не так заметен. К тому же для Елены, которая за шесть лет четыре раза переодевалась мальчиком и обрезала при этом волосы и не задумалась бы обрезать их в пятый раз, вообще не было бы надобности в большом парике. Насчет роста Дэчери в романе никаких упоминаний нет. Уолтерс, чтобы оправдать версию с Еленой, решил, что Дэчери должен быть высоким, хотя, как правило, именно люди маленького роста обладают большей волей, упорством и настойчивостью в достижении цели. Голос Роза могла изменить, держа во рту леденец или рахат-лукум, которые очень любила. Джаспер мог узнать в Дэчери Розу, как мог узнать любого из непосредственных участников драмы, среди которых мы ищем мстителя (в том числе и Елену, которая более полугодом находилась в таком маленьком городке, как Клойстергэм, обращая на себя всеобщее внимание как сестра подозреваемого в убийстве). Но нежность и жалость к Эдвину, чувство собственной вины перед ним заставляют Розу не думать об опасности и не бояться себя выдать, к тому же ей «угрожают» только любовью. Дэчери — приятный собеседник, умеет подладиться к любому человеку. То же самое мы знаем о Розе. Она умеет уговорить и своего опекуна, и Эдвина, ее детская ласковость проникла в самое сердце Елены. «Ваше милое присутствие располагает меня к откровенности», — признается ей Грюджиус. Простые люди, как возница Джо, готовы во всем

услужить ей, даже вздорная миссис Билликин предпочитает иметь дело только с Розой. Дружелюбие, наблюдательность, обаяние и ум помогут Розе — Дэчери найти доказательства преступления. Далее, Дэчери щедро платит за услуги Депутату, старухе, хозяйке квартиры. Роза также «ни в чем не нуждается, и денег ей хватает».

Свое расследование Дэчери ведет так, как вела бы его Роза. Справляясь у официанта о квартирке, он говорит, что «предпочел бы что-нибудь древнее и неудобное в том же роде, как ваш собор», явно имея в виду жилище Топов возле собора, где ему было удобно следить за Джаспером, живущем в том же доме. Узнав, что Депутат терпеть не может Джаспера, потому что тот душил его за горло, Дэчери — Роза заводит с ним более тесное знакомство, надеясь на его помощь в дальнейшем (и действительно, Депутат достает Дэчери сведения о старухе). Затем Дэчери, как бы ненароком, расспрашивает подробности преступления у миссис Топ, предварительно наведя

разговор на Джаспера. Познакомиться с Джаспером в облике Дэчери, которое служит ей некоторой защитой, Роза решает сразу — безопаснее представиться своему соседу, чем прятаться и вызывать ненужные подозрения. Узнал ли Джаспер Розу в Дэчери после первого знакомства или только догадывается о ее замыслах? Одинаково возможно и то и другое, потому что сразу же после знакомства с Диком Дэчери Джаспер вызывает Розу на свидание (чтобы угрозами в адрес ее друзей остановить ее расследование или убедить ее в безнадежности попытки доказать его преступление). Вспомним это свидание Розы с Джаспером в саду накануне ее отъезда в Лондон. «Повесив шляпку себе на локоток» (Дэчери носил шляпу под мышкой), Роза выходит в сад. Гневно она заявляет Джасперу: «Я не хочу больше брать у Вас уроки (пения. — *И. С.*), и ничто не заставит меня изменить это решение... (Роза приняла решение и выполнит его. — *И. С.*) Вы все время лгали, сэр, и сейчас лжете. *Вы предавали его* (Эдвина. — *И. С.*) *каждый день...* Вы принудили меня скрывать от него правду... Вы бесчестный и очень злой человек!» Роза не побоялась сказать правду в лицо человеку, которого подозревает в преступлении; в облике Дэчери она будет думать об опасности еще меньше. Она хочет уйти, но Джаспер задерживает ее: «Иногда приходится делать то, чего не хочешь. И вам придется, иначе *вы повредите другим людям* (не себе, а другим. — *И. С.*)». И Роза остается дослушать, чем Джаспер грозит Елене и Невилу: «Ландлесу грозит смертельная опасность... Я терпеливо плел сеть, она стягивается вокруг него (угроза Невилу. — *И. С.*) все теснее... Тебе дорого доброе имя твоей подруги. Тебе дорого ее душевное спокойствие. Так отведи же от нее тень виселицы». Джаспер знает доброту Розы и пользуется этим, говоря так, Джаспер признает тем самым, что ни Невил, ни Елена не в состоянии защитить себя сами. Значит, и Диккенс признает это. Здесь мы видим еще одно подтверждение тому факту, что Ландлеса — не только «не охотники», но и такие преследуемые, которых должен спасти другой. Джаспер почти признается в убийстве Эдвина: «*Я его стер бы с лица земли за одно то, что ты была к нему благосклонна*». При этом взгляд Розы «мутится, словно ей стало дурно». Она почти поняла это скрытое признание. Роза «поднимает руки к вискам, отбрасывает назад волосы (Дэчери встряхивает волосами. — *И. С.*) и смотрит на него с содроганием, *пытаясь привести в связь то, что он открывает ей*

лишь урывками и намеками». То есть то, что, как всякий дальновидный преступник, Джаспер отводит подозрения от себя, обвиняя в убийстве Эдвина другого. Роза «чувствовала свою ответственность: малейшая ошибка с ее стороны — и его зложелательство обрушится на брата Елены». Везде речь идет о спасении Ландлесов. Смертью Джаспер угрожает только друзьям Розы, ее жизнь (даже если он узнал ее в облике Дэчери) в безопасности. Джаспер любит Розу, он скорее убьет себя (что, видимо, предполагалось в романе), чем ее.

Роза поспешно уезжает в Лондон: «Не было времени. Я вдруг решила (уже не в первый раз мы видим, как Роза, решившись на что-то — порвать помолвку, прекратить уроки пения, уехать в Лондон, — приводит это в исполнение. — *И. С.*). Бедный, бедный Эдди!» — отвечает она на вопрос опекуна, почему Роза не написала ему. «Бедный Эдди!» — это почти уверенность, что Джаспер — виновник его гибели. Роза рассказывает о свидании с Джаспером Грюджиусу. На следующий день она сообщает об этом Елене, беседуя с мисс Ландлес в воздушном садике от окон Тартара до окон Невила (то выглядывая из окна, то исчезая в «каюте» Тартара, чтобы посоветоваться с друзьями). В этой сцене присутствует несколько намеков Диккенса, помогающих разгадать тайну романа: во-первых, на вопрос Елены, можно ли рассчитывать на помощь Тартара, Роза отвечает: «Да, но, может быть, спросить мистера Криспаркла?» — «Нет, — ответила Елена, — об этом ты, я думаю, можешь судить не хуже, чем мистер Криспаркл. *И незачем тебе опять исчезать из-за этого*». Возможно, это намек на то, что Елена заметила исчезновения Розы — Дэчери в пансионе. И затем сразу же подсказка Диккенса: «*Странно, что Елена так говорит!*» Во-вторых, читаем: «*Смущаясь от своих попыток быть сразу в двух местах, Роза проворно нырнула в каюту и сейчас же вынырнула обратно*». Два места — это могут быть пансион и квартира Дэчери (в дальнейшем — Лондон и Клойстергэм). Затем Грюджиус предлагает снять в Лондоне квартиру, пригласить мисс Твинклтон приехать и пожить там с Розой и «уговорить ее принять участие в наших планах». Возможно, опять подсказка Диккенса — в планах по спасению Невила и Елены от Джаспера. Грюджиус и Роза нашли дом, где сдавались комнаты. «На украшавшей парадную дверь медной дощечке значилось „Билликин“ без указания пола и гражданского состояния». Миссис Билликин отказывается подписать свое имя на договоре о найме квартиры, объясняя это так: «До-

щечка на двери служит мне *защитой*... Пока на дощечке стоит „Билликин ” и ничего больше, и окрестное жулье не знает, где прячется этот Билликин (или Дэчери. — И. С.) и *каков его рост и вес* (намек Диккенса, что об этом надо догадаться. — И. С.). *До тех пор я чувствую себя в безопасности. Но самой расписаться*

Невил Ландлес. Рисунок Филдса

в том, что я одинокая женщина! (Роза чувствует себя в безопасности в обличье Дэчери. — И. С.). Нет, мисс! Вы, мисс, никогда сами бы не додумались, чтобы расставлять такие ловушки особе вашего пола, если б вам не был подан... пример» (может быть, рассказ Невила о переодеваниях Елены мальчиком и пример самой миссис Билликин. — И. С.). И затем больше, чем намек: *«Роза густо покраснела, словно ее и в самом деле уличили»*. Уличили в том, что Дэчери и она — это одно и то же лицо!

Рассчитывать на помощь друзей Роза могла, но ведущая роль должна принадлежать ей, потому что только в ее душе зрела уверенность, что Джаспер — убийца. Такое подозрение никогда «не посещало Криспаркла. Если оно шевелилось порой в мыслях Елены и Невила, они, во всяком случае, ни разу не выговорили его вслух. Грюджиус не скрывал своей враждебности к Джасперу, но и он никогда не возводил ее к такому источнику». Поэтому Роза — Дэчери, рассчитывая в основном на себя, должна время от времени посещать Клойстергэм, пользуясь в свое отсутствие прикрытием чтений вслух мисс Твинклтон, которая «совершала еще множество других благонамеренных обманов» — опять подсказка Диккенса: обманов, помогающих благим намерениям Розы — Дэчери.

Далее читаем роман. Джаспер отправляется в Лондон. *«Он совершает это путешествие тем же способом, каким в свое время его совершила Роза, и так же, как Роза, прибывает на место в душный и пыльный вечер»*. Эта фраза напоминает нам о присущей Диккенсу манере — предсказывать развязку заранее. Женщина, о которой идет речь, предназначена на роль Немезиды. Путешествие — это путешествие мстителя и преступника туда, где совершится возмездие. Логично предположить, что события развиваются по кольцеобразному пути против часовой стрелки: начало путешествия — склеп, где происходит встреча Дэчери и Джаспера, продолжение его — вверх: Дэчери сверху указывает всем на убийцу

(см. иллюстрацию). Далее, старуха, выслеживая Джаспера, встречается в Клойстергэме с Дэчери. Встречается случайно (если считать случаем то, что Дэчери — сосед Джаспера), но злобное торжество, с которым она благодарит Дэчери за сведения о Джаспере, привлекает его внимание. Старуха рассказывает, как

молодой человек дал ей деньги на опиум. «Мистер Дэчери вдруг, изменившись в лице, вперяет в нее острый взгляд». Роза знает о припадках Джаспера — известие об опиуме могло взволновать ее. Услышав, что встреча произошла в прошлый сочельник, то есть когда Эдвин исчез, Дэчери заинтересовывается еще больше. Услышав имя Эдвина, Дэчери краснеет от волнения. Кого имя Эдвина должно взволновать? Конечно, Розу, его названную сестру, ее «чувствительное сердечко, умевшее так огорчаться за него и так оплакивать крушение их детской мечты о счастье вместе», а не Елену, которая не питает к Друдру теплых чувств и избегает «даже

упоминать имя Эдвина». После слов старухи: «И он ответил, что подружки у него нет», Дэчери стоит в угрюмом раздумье. Кого могли затронуть за живое эти слова, кроме Розы, его бывшей подружки? Розы, которая чувствует себя чуть ли не преступницей от того, что Эдвина погубили, чтобы завладеть ею? Затем Дэчери спрашивается у Депутата, где живет старуха, и получает ответ: «В Лондоне, где матросня крутится. — Узнай мне точно, где она живет». Дэчери собирается проводить расследование и в Лондоне — следует из этого разговора. Возможно, ему понадобится иметь теперь дело с матросами. Вспомним еще одну подсказку Диккенса: Розе «попалось под руку несколько книг о путешествиях на море. Роза извлекала из этих повестей то, что было ближе всего ее сердцу». Почерпнув эти сведения, Роза — Дэчери имела больше шансов на успех общения с матросами, у которых можно было разузнать кое-что важное о старухе и, значит, о Джаспере. Здесь роман обрывается.

Вернемся теперь к рисункам с обложки первого издания «Тайны Эдвина Друда», выполненным зятем Диккенса Чарльзом Коллинзом. «*Чарльз Коллинз нарисовал превосходную обложку*», — писал Диккенс. При взгляде на обложку можно догадаться, что нежная и беспечная девушка и мстительница с обнаженным кинжалом в руке, отдергивающая занавес над происходящим, изображенные сверху на углах слева и справа — это одно и то же лицо, которое должно разоблачить злодея и оправдать невинных. Диккенс наметил его с самого начала и проводит эту линию до конца. По аналогии с рисунками в верхних углах, рисунки слева и справа от кольца из роз и терний, находящиеся на одном уровне, — также обозначают одних и тех же лиц. Очевидно, комментарием к рисунку Коллинза служат следующие слова (об эпитафии миссис Сапси) из романа: «*Возьмите этот лист в руки* (лист обложки первоиздания романа. — И. С.). *Расположение строк должно быть воспринято глазом, равно как их содержание — умом*». Думается, что это — подсказка Диккенса. Ведь рисунки делались по его личным указаниям, когда роман еще наполовину не был написан. А у Диккенса в «Эдвине Друде» нет случайных деталей, каждая служит определенной цели. В эпизоде разговора мистера Сапси с Джаспером и Дёрдлсом Диккенс указывает на два ключа к тайне: один — «снаружи» (рисунки обложки), другой — «внутри» романа (слова об эпитафии). Эпитафии Диккенс придает особое значение, поскольку несколько раз упоминает о ней: «*Это одна из наших достопримечательностей*

(достойна, чтобы читатель ее приметил. — *И. С.*)... *Таковой ее почитают горожане, да и приезжие иной раз списывает ее себе на память* (Дэчери пришел в восторг от нее и пожелал немедленно списать. — *И. С.*). *Я тут не судья, ибо это мое собственное творение* (собственно е творение Диккенса. — *И. С.*). *Скажу только, что оно стоило мне некоторого труда: не так легко выразить мысль с изяществом* (мысль, которая подсказывает разгадку тайны. — *И. С.*). *Это так ярко, характерно и законченно»* — эти слова можно считать ключом к тайне и комментарием к рисунку Коллинза.

Итак, на рисунках обложки: слева от кольца из роз и терний изображена Роза с афишкой о розыске Эдвина Друда, справа — она же в облике Дэчери; ниже: слева от кольца — Роза и Джаспер в саду, и справа, видимо, изображены они же.

Это последнее из доказательств тождества Розы и Дэчери.

Диккенс показал, какие перемены совершились в беззаботной головке и беспечном сердце Розы, когда случилось горе. Он наметил Розу в качестве мстительницы в самом начале романа и проводит эту линию до конца, гораздо более подсказывая читателю и наводя его на разгадку, чем на ложный след. Уолтерс выбрал ошибочную версию, и потому ему кажется, что Диккенс отвлекает наше внимание на лиц, которые тормозят действие, например, Билликин, в то время как в действительности Диккенс наталкивает нас здесь на правильное решение, «точно взвешивая значение каждого даже самого мелкого факта».

Торжественной эпитафией самому Диккенсу следует считать конец эпитафии миссис Сапси: *«Прохожий (читатель. — И. С.), остановись! И спроси себя: можешь ли ты сделать то же* (как Диккенс, связать слова об эпитафии с рисунками Ч. Коллинза. — *И. С.*)? *Если нет, краснея, удались!»*

Попробуем представить, как развивалось действие в романе и как оно могло закончиться.

Вечером перед исчезновением Эдвин и Невил ужинали у Джаспера. Около двенадцати часов молодые люди вдвоем пошли посмотреть на реку, какая она в бурю. Пробыв там минут десять, они прошли к дому Криспаркла, где жил Невил, и расстались у дверей. Эдвин сказал, что пойдет прямо домой, то есть к Джасперу. Джаспер мог встретить его по дороге и увлечь одурманенного вином (а может быть, и еще каким-нибудь зельем, ведь Джаспер прибегал к таким средствам — при осмотре склепа с Дёрдлсом, при первой ссоре

Эдвина с Невилом) юношу на башню собора, с которой сбросил его вниз. Эту сцену впоследствии Джаспер вновь переживает в своих видениях в курильне (глава XXIII). Затем убийца спрятал тело в склепе миссис Сапси, засыпав его негашеной известью, которая уничтожает все, кроме металла. Драгоценности Эдвина, о которых

Старший сын Диккенса спросил отца во время его последней прогулки с Филдсом в Гэдсхилле: «А Эдвин Друд, конечно, убит?» На что отец, обернувшись к Филдсу, сказал: «Конечно! А ты что же думал?»

Джаспер знал, — часы и булавку для галстука, — он предусмотрительно снял и бросил в реку. Но одна улика осталась — кольцо матери Розы, которое Грюджиус вручил Эдвину, чтобы тот надел на палец невесты. Но Эдвина остановило соображение: «Ясно, что кольцо надо вернуть (Грюджиусу. — И. С.). Так зачем показывать его Розе. Пусть лежит, спрятанное у него на груди, а он о нем даже не заикнется». Это кольцо погубит убийцу. Но пока оно лежит

в склепе, оно бесполезно. Нужен человек, который будет искать доказательства преступления. Возможно, Дёрдлс, имевший обычай удаляться в соборные склепы и подземелья, недоступные для клойстергэмских мальчишек, чтобы мирно проспать после выпивки, расскажет Дэчери о путешествии с Джаспером ночью за неделю до сочельника, а также о чем-то, что его разбудило в сочельник — «призрак вопля». Депутат, которому Дёрдлс платит полпенни, чтобы тот загонял его домой, если увидит поздно на улице, возможно, расскажет Дэчери, что он видел что-то, например, как Джаспер нес тело к склепу миссис Сапси. Дик Дэчери установит связь между тем, что Дёрдлс слышал, а Депутат видел примерно в то же время. Куда исчезло тело — в этом ему поможет разобраться Дёрдлс — это он открыл Джасперу действие негашеной извести. Оpoznать, чье это было тело, сумеет сама Роза—Дэчери по кольцу. Ведь Грюджиус наверняка рассказал ей, что кольцо осталось у Эдвина. Проникнув в склеп, Роза—Дэчери обнаружит кольцо и дождется здесь Джаспера: мститель заманивает преступника — любимый прием Диккенса (см. нижнюю картинку иллюстрации). Джасперу необходимо выговориться — «он жил в отъединении от всех людей», он уже начал выговариваться старухе в курильне, преступление его было не нужно, он совершил его, думая, что жених с невестой не расстанутся по доброй воле, и был потрясен, узнав после гибели Эдвина о разрыве помолвки, Грюджиус был свидетелем его обморока. «Если человек долгое время не имеет отдыха и душа его постоянно в тревоге, а тело истощено усталостью, он неизбежно доходит до полной потери сил». Кольцо, обнаруженное Розой — Дэчери и предъявленное ему, заставит его во всем ей исповедаться. Он поднимется с ней вверх на башню, показывая путь, который прошел с Эдвином. А внизу, у подножья башни собора, его будут ждать друзья Розы и полиция. Затем последуют арест и, возможно, самоубийство Джаспера с помощью яда. Это не противоречит тому, что Диккенс сообщил Форстеру: «убийство очень долго остается нераскрытым, пока с помощью золотого кольца, устоявшего против разрушительного действия негашеной извести, в которую было брошено тело, не удалось, наконец, установить не только имя жертвы, но также место преступления и личность преступника».

Роза, очевидно, выйдет замуж за Тартара, на твердую и надежную руку которого она могла положиться, но «тайна Эдвина Друда» оставит трагический отпечаток в ее душе.

ДОН РИЧАРД КОКС

Бернард Шоу об «Эдвине Друде»

Бернард Шоу, неоднократно выражавший свое восторженное отношение к творчеству Диккенса, считал «Тайну Эдвина Друда» неудачей писателя. Рассуждая о творческом пути Диккенса, он всегда обходил молчанием этот роман, вследствие чего у читателей создавалось впечатление, что «Друд» лишен серьезных достоинств и даже более того — что после «Нашего общего друга» Диккенс ничего не написал и, следовательно, «Друда» как бы и вовсе не существует. В статье о значении Диккенса, напечатанной в 1914 году в журнале «Диккенсиан», Шоу осторожно советует не включать «Тайну Эдвина Друда» в «послужной список» Диккенса: «Романы второго периода, начавшегося „Тяжелыми временами" и *кончившегося* „Нашим общим другом", представляются мне несравненно более важными, нежели его ранние книги». В предисловии к «Большим надеждам» Шоу откровенно заявляет: «С тех пор, как он описал Итенсуилские выборы и вплоть до выборов в парламент Вениринга в „Нашем общем друге", его последней книге („Эдвин Друд" — жест человека, на три четверти мертвого), Диккенс никогда не изменял своему яростному презрению к палате общин». Это последнее утверждение, как эхо, повторяет во всеуслышанье то, что он сказал келейно, по крайней мере, однажды: «В „Эдвине Друде" нет ничего хорошего, кроме швыряющего камнями сорванца, Баззарда и Сластигроха. Диккенс был уже мертв, когда взялся за этот роман», — это строки из письма Шоу к Г. К. Честертону. В своем мнении о «Друде» Шоу был последователен, а его приговор — «жест человека, на три четверти мертвого», — был широко подхвачен и стал одним из самых известных и цитируемых отзывов о книге, на который ссылаются и те, кто с ним согласен, и те, кто решительно отвергает его.

Свое отрицательное отношение к «Друду» Шоу впервые высказал во время «суда», которому Диккенсовское общество подвергло Джона Джаспера в 1914 году. Современным исследователям трудно понять серьезность, с которой отнеслись к «процессу» диккенсоведы того времени, но, ознакомившись с их письмами и критическими

отзывами, посыпавшимися после суда в журнал «Диккенсиан», можно в какой-то мере осознать причины их горького разочарования. Посадив Джаспера на скамью подсудимых и заставив его и других героев давать показания в «настоящем» суде, литературоведы надеялись, что жюри сумеет разрешить загадку романа «законным» путем. Целые группы исследователей возмечтали о том, что их версии исчезновения Друда и доказательства того, кто такой Дэчери, найдут подтверждение в выводах суда. В мероприятии, задуманном как однодневная забава, кое-кто увидел возможность доказать свою правоту в литературном споре, не утихавшем на протяжении десятилетий.

Такова была расстановка сил, когда на поле боя ступил Шоу, принявший на себя обязанности старшины присяжных. Судебное разбирательство, в котором участвовали наряженные в костюмы актеры, изображавшие героев романа, длилось более четырех часов и окончилось неожиданно быстро, когда тотчас после напутственного слова судьи (главой присяжных был Г. К. Честертон) — Шоу вдруг поднялся с места и без всякого совещания с жюри объявил, что приговор уже обсужден и все члены жюри сошлись во мнении, что «Джаспер виновен в преднамеренном убийстве». Д. У. Т. Ли, автор газетного репортажа о процессе, пишет, что это было совершенно в духе Шоу, которого присущее ему озорство часто толкало на подобные выходки. Но Ли ничуть не позабавил «этот нелепый приговор», в котором он усмотрел лишь насмешку над судом и над немалыми трудами, ему предшествовавшими.

Заметим, что Шоу был включен в состав присяжных последним. В списке участников процесса, напечатанном в афишах суда, отсутствует его имя, нет его и в информационных объявлениях о готовящемся «заседании», которые помещал «Диккенсиан». Но в рукописном отделе Дома Диккенса обнаружены два донныне не публиковавшихся письма Дж. Б. Шоу главному редактору «Диккенсиан» Матцу. Одно из них подтверждает, что Шоу получил приглашение участвовать в процессе еще за несколько месяцев до суда. Письма Шоу Матцу хранил в большой папке с вырезками, куда он складывал материалы о процессе. При всей своей краткости эти письма представляют значительный интерес благодаря содержащейся в них оценке романа, которому Шоу обычно отказывал в праве на внимание, и потому даже столь беглый отзыв важен.

Ниже мы приводим эти письма, написанные мелким, четким

почерком Шоу. в первом из них отклоняет полученное предложение и дает совет своему корреспонденту в связи с судом:

Адельфи-Террас, 10
28 ноября 1913 года

«Если я войду в состав присяжных, это, надо думать, плохо скажется на процессе, ибо единственный приговор, который я способен вынести от чистого сердца, — оправдательный, по той причине, что если Джаспер не убивал Эдвина Друда, то он, само собой, не повинен в убийстве, а если все же убил, то нет и не может быть никакой вины на человеке, который убивает столь ужасного скучнягу, даже если и сам он скучняга немногим лучше убитого. Надеюсь, вы сообщите этот неопровержимый довод мистеру Сесилу Честертону *.

Если Джаспера признают виновным — на мой взгляд, несправедливо, — я предлагаю приговорить его к женитьбе на Агнес Уикфилд, муж которой, надо полагать, давным-давно сбежал и добился развода.

Дж. Бернард Шоу».

Однако в начале января 1914 года, а может быть, в конце декабря 1913 года — то есть в то время, когда январский номер «Диккенси-ан» ушел в печать, — Шоу переменял свои намерения. Из второго его письма к Матцу становится понятно, что в истекший промежуток времени он выразил согласие участвовать в процессе:

Адельфи-Террас, 10
6 января 1914 года

«Дорогой сэр, я уехал на несколько недель из Лондона, но предполагаю вскоре возвратиться и успеть к сроку, чтобы исполнить возложенные на меня обязанности. Только сейчас мне стало известно — к сожалению, слишком поздно для приготовлений, — что участники должны быть в костюмах. Но поскольку никогда, ни прежде, ни теперь, я не одевался модно, надеюсь, что не буду выглядеть пугающе модным, если появлюсь в своем обычном виде.

Я только что получил душераздирающую записку от мистера Д. С. Шоу и его дочери мисс Ады Шоу — отца и сестры покойного Джека Шоу, молодого человека, много сделавшего для вашего общества в Дублине, и, кстати сказать, моего кузена, — в которой

* Сесил Честертон выступал на суде в роли адвоката Джаспера.

они умоляют похлопотать за них перед вами. Принимая во внимание, сколь горестным событием была его преждевременная смерть, а также то, что ваше общество было его единственной и главной страстью, они чувствительно просят вас помочь им попасть на суд. Я их не обнадеживал, но если в ваших силах выполнить их просьбу, не будете ли вы добры прислать им билеты по адресу: С.-3., Сент-Олбани, Парк Вилледж, 8.

Разрешено ли присяжным брать с собою жен, буде они о том попросят? Думаю, что моя жена попросит непременно, но никоим образом не будет настаивать, если это против правил или если зал и без того переполнен.

Позаботились ли вы о хорошем репортере, который застенографирует заседание? Это должен быть профессиональный судебный репортер, газетному не справиться с такой работой. Лучше всего для этой цели подошел бы мистер Х. С. Норман, проживающий на Чэнсери-Лейн, 87. Если судебный отчет будет напечатан, это будет иметь важные последствия для Общества.

Я только что внимательно перечитал „Эвина Друда“. (Баззард) Дэчери вовсе не переодетый герой, а сыщик вроде Бэкита или сержанта Каффа (Уилки Коллинза).

Преданный вам Дж. Б. Шоу.

P. S. Я завтра возвращаюсь в Лондон».

Остается неясным, было ли решение Общества стенографировать судебное заседание подсказано письмом Бернарда Шоу или принято ранее. Хотя «Диккенсиан» пунктуально приводил все сведения, касавшиеся процесса, вплоть до цены самых дешевых мест, никаких упоминаний о стенограмме там нет. Д. У. Т. Ли застенографировал процесс, и в том же году стенограмма вышла в издательстве «Чэпмен и Холл».

ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН

«Чарльз Диккенс»

Глава из книги

В своей последней книге Диккенс еще раз попытался уйти от хаотичной раскованности ранних книг. Он не только стремился лучше выстроить сюжет — он все строит на сюжете. Он не только хорошо ведет интригу — в интриге вся суть романа. «Тайна Эдвина Друда» (1870) — самая честолюбивая из его книг. Всем известно, что это детектив, и очень хороший, иначе он не вызвал бы таких споров. Даже если бы Диккенс его окончил, роман занял бы особенное место. Если Диккенс вводил в роман тайну, он не очень старался придать ей особую загадочность; «Холодный дом» окончен, но всякий, прочитав только половину, догадается, что леди Дедлок и Немо как-то связаны. «Эдвин Друд» не окончен, Диккенс умер, не дописав его.

Вторая поездка в Америку сильно ему повредила. Он был из тех, у кого серьезная болезнь развивается очень быстро, — он не умел болеть. Я уже говорил, что в нем было что-то женское. Особенно женской была его привычка работать вопреки усталости. Усталость пробуждала в нем нездоровую, бурную энергию, и ему становилось еще хуже, словно пьянице, спасающемуся пьянством. В 1870 году он умер, и вся Англия оплакивала его, как не оплакивала ни одного из своих героев — премьеры и принцы по сравнению с ним были частными лицами. Он был великим народным вождем, словно король той легендарной поры, когда народ приходил к повелителю, творившему суд под дубом. Он властвовал над миллионами и обращался к народам. Словно король, он открыто участвовал в общественной жизни. Словно бог, он приходил тайно в каждый дом. По сравнению с такой властью все увлечения последних сорока лет — пустые утехы праздных. Так и кажется, что мы играем в наших политиков и кое-как терпим писателей. Мы не познаем всенародной славы, пока у нас нет народа.

Диккенс оставил после себя фрагмент, почти не поддающийся разгадке, — часть «Эдвина Друда». Трагизм сюжета смешивается с какой-то подспудной трагичностью мятущегося, обреченного Ландлеса и полусумасшедшего Джаспера, в чьем сердце таятся бесы.

Написана книга превосходно. Диккенс не только не утерял мастерства — он его приумножил. Но, перелистывая эти темные страницы, мы снова задумываемся о том, о чем нередко думают искренние его поклонники. Лучше или хуже он стал, овладев техникой реализма? Поздние его герои больше похожи на людей, но ранние, возможно, больше похожи на богов. Он умеет написать правдоподобную сцену, но тот ли это Диккенс, который умел описывать небывалое? Где молодой гений, творивший майоров и злоумышленников, каких не создать природе? Диккенс научился описывать будни не хуже Теккерея и Джейн Остен, но Теккерею не додуматься до Крамльса, и просто неловко представить мисс Остен, трудящуюся над Манталини. Много на свете хороших писателей, но Диккенс — один, и что же с ним стало?

Он остался живым до конца. В неразгаданной последней книге он появляется во всем великолепии, как фокусник, прощающийся с миром. В самую сердцевину разумной и невеселой повести о добром священнике и тихих башнях Клойстергэма Диккенс спокойно вставил эпизод редкой прелести и исключительной нелепости. Я имею в виду комичную и невероятную эпитафию миссис Сапси, где покойница названа «почтительной женой», а муж ее, Томас, сообщает, что она «взирала на него с благоговением», и кончает словами, столь великолепно запечатленными на камне: «Прохожий, остановись! И спроси себя, можешь ли ты сделать так же? Если нет, краснея, удались!» В самой немыслимой главе «Пиквика» не найти столь невероятной эскапады. Диккенс навряд ли посмел бы приписать их даже мошеннику Джинглю. Ни на одном кладбище нет столь бесценного надгробия; его и не может быть в мире, где есть кладбища. Такого бессмертного безумия нет в мире, где есть смерть. Мистер Сапси — одна из радостей, ожидающих нас на том свете.

Да, было много Диккенсов — умный Диккенс, трудолюбивый Диккенс, Диккенс гражданственный, но здесь явил себя Диккенс великий. Последний взлет невероятного юмора напоминает нам, в чем его сила и слава. Похвала этой блаженной нелепости пусть будет последней похвалой ему, последним словом признания. Ни с чем не сообразная эпитафия миссис Сапси станет торжественной эпитафией Диккенсу.

А. А. АНИКСТ

Кто убил Эдвина Друда?

Вот бесспорная удача! Наше телевидение можно поздравить с созданием подлинно художественного и увлекательного телефильма.

Своим успехом экранизация «Тайны Эдвина Друда» обязана прежде всего, конечно, кинодраматургу Г. Капралову и его соавтору А. Орлову, который явился также режиссером-постановщиком телефильма. Хороша уже сама по себе идея — показать сравнительно мало известное произведение Диккенса, к тому же еще и незавершенное автором из-за его внезапной смерти.

Задача была трудной. Как-никак в романе, даже незаконченном, без малого триста страниц. Но, на мой взгляд, сценарий без потерь передал его существо. Вторая трудность состояла в том, что мы не знаем, как Диккенс закончил бы свой роман. И здесь был найден остроумный ход. Авторы использовали убедительную гипотезу, выдвинутую знатоком творчества Диккенса Дж. К. Уолтерсом, который на основании глубокого анализа показал, чем, вероятно, должна была завершиться таинственная история убийства Эдвина Друда.

Мы смотрим этот фильм и говорим себе: «Да, это Диккенс!» Характер романа точно передан и художником И. Морозовым, и композитором Э. Артемьевым, и режиссером А. Орловым, который поразительно верно воспроизвел самую суть диккенсовского метода. Действие фильма, поначалу неторопливое, постепенно приобретает все более напряженную драматичность. Сперва нам кажется, что между дядей Джоном Джаспером и племянником Эдвином Друдом существуют идеальные родственные и дружеские отношения. Лишь постепенно обнаруживается затаенная вражда Джаспера к Эдвину, ибо оказывается, что Джаспер тайно любит девушку, на которой должен жениться Эдвин. Поначалу идиллическими кажутся и отношения между Эдвином и Розой, но быстро обнаруживается, что при всей симпатии, которую они питают друг к другу, их тяготит то, что они были помолвлены родителями, когда еще были детьми, и должны вступить в брак не по своей воле. Вокруг

этих двух центральных ситуаций развертывается действие, приобретающее все более напряженный характер и достигающее кульминации, когда Эвин таинственно исчезает.

Социально-бытовой роман, таким образом, вдруг перерастает в детективный. Детективы полюбились нашим зрителям, и в этом нет ничего предосудительного. Занимательность действия — несомненное достоинство произведения, а когда к интересу добавляется глубокое проникновение в явления жизни и человеческие характеры, книга и фильм становятся вдвойне увлекательными.

Диккенс был критиком общества, в котором господствовали эгоизм и своекорыстие, неравенство и несправедливость. Он часто утрировал черты своих персонажей, чтобы сделать более наглядными их пороки. Таковы в романе ханжа Сапси, образ которого великолепно создан Е. Весником, Сластигрох, выдающий себя за человеколюбца, а на самом деле жестокий и беспощадный к людям (С. Соколовский), или лицемерная воспитательница пансиона для девиц мисс Твинклтон (А. Будницкая).

Но, конечно, главным в мире зла является Джаспер. Исполнитель этой роли В. Гафт выделяется среди остальных актеров: он отказался от гротескности и создал глубокий, психологически очень тонкий облик человека внешне благолепного, дружественного, приятного в манерах, но на самом деле насквозь порочного. Вместе с тем он способен на подлинную страсть, которая и толкает его на преступление. Проникновенным исполнением роли Джаспера Гафт осуществил один из заветов Станиславского — искать в злом доброе. Я осмелюсь сказать, что игра В. Гафта в чем-то даже «исправила» Диккенса, сделала фигуру этого злодея более жизненно убедительной, приблизила к психологическим глубинам Достоевского.

В мире добра, который у Диккенса всегда противостоит злу, особенно выделяются два персонажа. Один из них — каноник Криспаркл, воплощенная доброта и вера в человека, и А. Грачеву удалось сделать его фигуру подлинно лучезарной. Рядом с ним другой типично диккенсовский образ — опекун Розы Грюджиус — Р. Плятт. Как ни часто появляется этот мастер перед зрителями, он всякий раз находит новые краски.

Диккенс смело ввел в английский роман своего времени людей «дна». Такова здесь таинственная старуха, содержательница притона для курильщиков опиума (С. Брэгман), и в особенности каменщик

Дёрдлс. Л. Дуров никогда не ограничивается предписаниями автора, будь то даже сам Шекспир, и вносит эксцентриаду во все свои роли. Так случилось и с Дёрдлсом: актер «домыслил» Диккенса, создав запоминающийся гротескный образ одноглазого пьянчужки, всегда гдадая кладбищ и склепов. Из ничего и совершенно по-диккенсовски

создал личность Баззарда В. Никулин. Сонный, вечно недовольный, он со своим скучным вытянутым лицом усиливает диккенсовский колорит фильма.

Не без достоинств, но менее убедительными показались мне образы молодых персонажей. А. Леонтьев хорошо передает молодость и непосредственность Эдвина; но явно переигрывает высокомерие героя по отношению к Невилу, тогда как достаточно было бы

просто мальчишеского задора. Два разных облика у Розы в исполнении Е. Кореневой. Сначала она наивная и чуть ли не глупенькая девочка, и непонятно, как мог полюбить такую Джаспер; но в сцене объяснения с ним и после бегства она другая, более естественная и внутренне содержательная. Образ Невила, подозре-

А дальше начиналась вечность...

ваемого в убийстве Эдвина, получился у В. Новикова недостаточно характерным. А М. Тереховой просто нечего делать в роли мужественной Елены Ландлес.

Среди удач фильма — три роли С. Юрского. Сначала он выступает от имени авторов экранизации, потом оказывается сыщиком Дэчери и, наконец, сбросив парик, излагает гипотезу Уолтерса о том, как должен был закончиться роман. Первые две роли С. Юрский подчеркнуто «играет», и зрителю это понятно. В третьей он оказывается убедительным рассказчиком, заставляющим нас поверить, что именно так, а не иначе должно было произойти разоблачение убийцы. Вообще эпилог задуман и выполнен весьма остроумно, он достойно венчает замечательный телефильм.

«Тайна Эдвина Друда» — принципиальная удача, ибо дает ответ на частые споры о том, какими должны быть инсценировка и экранизация произведений классиков. Вот такой она и должна быть — верной смыслу произведения, передающей манеру и стиль писателя, с допуском тех «вольностей», которые соответствуют типичным для данного автора художественным особенностям, сохраняя чувство меры и уважения к подлиннику.